ВОЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

№ 4

АПРѢЛЬ

1869

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

БѢГЛЫЙ РАЗСКАЗЪ

О МЕДЛЕННОМЪ ПУТЕШЕСТВІИ ВЪ ТАШКЕНТЪ

И

НѢСКОЛЬКО СВѢТЛЫХЪ МЫСЛЕЙ О ТЕМНОЙ СТОРОНѢ НАШЕГО ПОЛОЖЕНІЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ (*).

I.

Время и горькій опытъ положительно доказали, что Туркестанская область была неестественнымъ, уродливымъ наростомъ на оренбургскомъ генералъ-губернаторствѣ, и что это своенравное и непокорное дѣтище, росшее вдобавокъ не по днямъ, а по часамъ, находясь далеко за предѣлами возможнаго контроля, составляло тяжелую обузу не только для администраціи края, которая съ самаго рожденія его не могла съ нимъ сладить и, слѣдовательно, не могла не тяготиться своимъ ненормальнымъ положеніемъ, но и для правительства вообще и особенно для казны, терявшейся въ своихъ расчетахъ съ нимъ чрезъ далеко и неловко поставленныхъ посредниковъ.

Возникшій, вслѣдствіе этого, вопросъ объ отдѣленіи Туркестанской области отъ Оренбургскаго края и объ образованіи тамъ, въ совокупности съ сосѣднею частью западной Сибири, особаго генералъ-губернаторства, рѣшенъ былъ окончательно, кажется, въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая 1867 года; но объявленіе о высочайшемъ указѣ пріостановлено было на нѣкоторое время только детальною разработкой положеній и штатовъ для новыхъ управленій.

(*) Статья эта, по причинѣ независѣвшей отъ виновника ея дней, выпускается на свѣтъ только спустя девять мѣсяцевъ послѣ своего рожденія, и потому нѣкоторыя перемѣны, совершившіяся въ этотъ промежутокъ въ Ташкентѣ или по пути въ Оренбургъ, оговорены, гдѣ подобаетъ, въ соотвѣтствующихъ выноскахъ.

Авторъ.

Несмотря на то, многіе изъ оренбуржцевъ, несочувствовавшихъ такому отчужденію самой интересной части отъ своего цѣлаго, измысливъ все что ни на есть тормозящаго, по ихъ мнѣнію, противъ этой операціи, еще въ іюлѣ мѣсяцѣ не вѣрили въ возможность ея осуществленія.... Такъ глубоко прониклись они нѣжными симпатіями къ юной питомицѣ, и такъ твердо было ихъ убѣжденіе, что, внѣ зависимости отъ Оренбурга, для нея нѣтъ и не можетъ быть жизни.

Мудрено ли послѣ этого, что полученное въ Оренбургѣ телеграфическое извѣстіе о переходѣ вопроса въ область факта произвело впечатлѣніе самаго сокрушительнаго свойства: раздались ахи, да охи, пошли въ ходъ толки, пересуды, сожалѣнія, опасенія, даже предсказанія о какомъ–то несомнѣнномъ геологическомъ переворотѣ. Разумѣется, изъ всего этого многое вовсе не случилось, потому что, въ дѣйствительности, не было и причины случиться, а остальное, если и случится впослѣдствіи, то навѣрное съ пользою для государства.

Въ августѣ мѣсяцѣ получены были положенія и штаты новыхъ управленій туркестанскаго генералъ-губернаторства и военнаго округа, а вслѣдъ за тѣмъ началъ прибывать въ Оренбургъ и подвижной составъ этихъ управленій, привлеченный на службу въ такую отдаленную и невѣдомую страну отчасти любопытствомъ и расположеніемъ къ тревожной дѣятельности, отчасти желаніемъ пролить за отечество бухарскую кровь и млечнымъ путемъ чиновъ и орденовъ добиться крѣпкой позиціи въ жизни, большею же частью усиленнымъ содержаніемъ и разными премуществами, изъ которыхъ, само собою, на первомъ планѣ, стояли: двойные прогоны до мѣста назначенія и не въ зачетъ холостымъ годовой, женатымъ двухгодовой окладъ жалованья. Сила послѣдняго искушенія понятна, если сообразить, во-первыхъ, что большинство чиновниковъ, рѣшившихся ѣхать въ Туркестанскую область, находились въ Петербургѣ или при мѣстахъ съ содержаніемъ неудовлетворявшимъ потребностямъ жизни въ столицѣ, или въ давнишнихъ, тщетныхъ поискахъ мѣстъ, или же въ страхѣ съ-часу на-часъ остаться безъ мѣстъ, вслѣдствіе сокращенія штатовъ, и впасть въ необходимость снова искать мѣста, т. е. chercher une aiguille dans une botte de foin; во–вторыхъ, то, что почти никто изъ чиновниковъ не зналъ, и въ Петербургѣ не могъ узнать предварительно, что за страна, въ которую они покушаются ѣхать, какъ туда доѣхать, и что за жизнь тамъ ихъ ожидаетъ? Всѣ эти свѣдѣнія они получили уже послѣ, по пріѣздѣ въ Оренбургъ, и, разумѣется, не въ такомъ видѣ, чтобы польстить ихъ надеждамъ, относительно живописныхъ мѣстоположеній, матеріяльныхъ средствъ

и жизненныхъ условій обѣтованнаго края. Но разочарованіе было несравненно капитальнѣе и ближе къ сердцу, когда они узнали, какимъ путемъ и черезъ какія испытанія предстоитъ имъ перейти до мѣста назначенія, и когда рѣдкому не пришлось снова углубиться въ экономическіе расчеты и соображенія, усложнившіеся добытыми подробностями до сокрушительныхъ результатовъ, нисколько непохожихъ на тѣ, съ которыми такъ легко было мириться въ Петербургѣ. Они узнали, напримѣръ, что, по недостатку почтовыхъ лошадей на станціяхъ (всего по двѣ тройки) въ сравненіи съ числомъ ѣдующихъ въ Туркестанъ, установлена очередь для отправленія въ степь по одному и не болѣе двухъ экипажей въ день; что, для наблюденія за очередью, назначенъ особый чиновникъ, къ которому необходимо прежде явиться, представить ему подорожную и освѣдомиться: которымъ кто состоитъ на очереди, когда онъ вправѣ расчитывать на лошадей, и что, наконецъ, нѣкоторымъ изъ ѣдущихъ достанется очередь черезъ 5, 10 и даже черезъ 20 дней, т. е. по облегченіи кармана на 5, 10 и 20 рублей за одинъ нумеръ въ гостиницѣ, не говоря уже о прочихъ, неизбѣжныхъ, облегчительныхъ средствахъ подобнаго же рода. Кромѣ того, они узнали, что до Уральскаго укрѣпленія еще существуютъ кое-какія и отъ этого укрѣпленія до форта № 1-й кое-гдѣ станціонныя избушки на курьихъ ножкахъ; но далѣе, на всемъ пространствѣ, положительно нѣтъ пріюта, гдѣ бы могъ проѣзжающій обогрѣться, обсушиться, отдохнуть и напиться чаю, потому что кибитки, предназначенныя исправлять на этомъ пространствѣ обязанность станціонныхъ домовъ, до такой степени неопрятны внизу, прозрачны сверху и боковъ и вдобавокъ переполняются, до лицезрѣнія проѣзжихъ, всякимъ мѣстнымъ сбродомъ киргизской расы, что рѣшительно не представляютъ и малѣйшаго искушенія предпочесть ихъ чистому воздуху даже въ ненастную погоду (*); что маршрутъ, по которому выданы прогоны, значительно сокращеннѣе того разстоянія, за которое имъ придется уплачивать прогоны въ дѣйствительности (**); что по станціямъ отъ Орска вплоть до Ташкента имѣются только лошади, а остальною мелочью, какъ-то телѣгою или тарантасомъ, полною сбруей на всѣхъ лошадей, веревками и проч., проѣзжающіе должны запастить въ Оренбургѣ, если не намѣрены совершить путь пѣшеходно, причемъ запасная пара колесъ, передняя ось, шкворень,

(*) На обратномъ пути изъ Ташкента нынѣшнею осенью, я нашелъ уже на всѣхъ станціяхъ до Казалинска, хотя и вчернѣ, очень уютные домики, которые, по всей вѣроятности, къ зимѣ были приспособлены для пріема проѣзжающихъ.
Замѣч. автора.

(**) О новой провѣркѣ разстояній распоряженіе сдѣлано. *Зам. авт.*

два-три бревна—на случай сломаются дроги—и полсотни желѣзныхъ чекушекъ, несмотря на громоздкость и тяжесть, не считаются лишнею предосторожностью: ѣзда на необузданныхъ киргизскихъ лошадяхъ или верблюдахъ, управляемыхъ не менѣе необузданнымъ и невѣжественнымъ въ дѣлѣ возницей, изъ киргизовъ же, рѣдко кому изъ проѣхавшихъ степь обошлась безъ назидательнаго урока. Затѣмъ, въ Оренбургѣ же, необходимо запастись всѣмъ съѣстнымъ и питейнымъ, по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ, потому что въ нѣкоторыхъ фортахъ хотя и можно бы достать кое-что, впрочемъ очень немногое, но все это уже лежалое, нерѣдко вовсе негодное и вдесятеро дороже. Кромѣ того, слѣдуетъ захватить изъ домашняго скарба: желѣзную кровать, непремѣнно съ пологомъ, два-три стула и хоть одинъ столикъ; изъ хозяйственныхъ снарядовъ: чайникъ, боченокъ для воды, котелокъ, таганъ и фонарь; изъ плотничьихъ инструментовъ: топоръ, пилу, буравъ, гвоздей малую толику; по артилерійской части: двухствольное ружье или револьверъ; по инженерной: лопату, заступъ и кирку; изъ медицинскихъ снадобій: хину, мятныхъ капель, касторoваго масла, арники, малины, горчицы и проч., всего не перечтешь и не упомнишь. Многое изъ этихъ запасовъ, само собою, можетъ быть не понадобится, стѣснитъ въ дорогѣ и потомъ придется хранить ихъ безъ пользы, бросить или отдать чуть не задаромъ; но за то все, что понадобится, просто безцѣнно, и имѣющій запасъ неразъ благословитъ совѣтъ, внушившій ему такую предосторожность. Холостому и молодому человѣку, пожалуй, еще можно рискнуть пренебречь подобными предосторожностями: одной головѣ, была не была—все съ пола́-горя; ну, а женатому, ѣдущему съ семьей въ далекій и неудобный путь, рѣшительно нельзя отвертѣться: хоть плачь и изъ кожи полѣзай, а запасайся всѣмъ до послѣдней мелочи, чтобы потомъ не раскаяваться.

Легко себѣ представить уныніе, въ какое впадали приготовлявшіеся въ путь бѣдняки обоего пола отъ живописнаго разоблаченія перспективы трудностей, неудобствъ и лишеній, неизбѣжно предстоявшихъ имъ въ дорогѣ; какъ сжималось у каждаго изъ нихъ сердце и вытягивалась физіономія при всякомъ указаніи на необходимость или возможность сверхсмѣтнаго расхода, и какъ грустно и осторожно супруги, неопредѣлившіе еще юридически, кто правъ, кто виноватъ, посматривали другъ на друга, какъ бы боясь взаимныхъ упрековъ за обмѣнъ на такую долю невозвратно-прошедшаго. Но отчаяніе и ужасъ заранѣе истомленныхъ слушателей достигали драматическаго эфекта, когда вѣрный до сихъ поръ дѣйствительности и

благонамѣренный разсказчикъ, увлеченный пылкимъ воображеніемъ, представитъ, наконецъ, глухую, мрачную ночь, на полупути къ станціи въ степи, увязшій до-нельзя въ солончакѣ тарантасъ, окончательно выбившихся изъ силъ лошадей и возницы, и, для оживленія картины всеобщаго смятенія, илюминуетъ ее кое-гдѣ, на видныхъ мѣстахъ, сверкающими глазами тигровъ, барсовъ или цѣлой стаи голодныхъ волковъ.... Тогда бѣднякамъ просто не сидится на мѣстѣ—такъ и подмываетъ ихъ дать стречка куда бы то ни было въ сторону, лишь бы подальше отъ такихъ непріятностей. И только своевременное воспоминаніе о законѣ, обязывающемъ прослужить три года или возвратить полученное и на половину истраченное уже пособіе, перебросивъ ихъ изъ холода въ жаръ, унимаетъ нѣсколько стремленіе къ постыдному бѣгству и располагаетъ съ унылою покорностью отдаться своей злосчастной судьбѣ.

— «Что это вы, Иванъ Ивановичъ, такъ щедро усыпаете предстоящій намъ переѣздъ всею роскошью степныхъ безобразій!» взываетъ одинъ изъ слушателей къ неисчерпаемому разсказчику, желая обратить все въ шутку и хотя нѣсколько поуспокоить воображеніе, взволнованное до крайности такими ужасами.—«Вѣдь это по вашему ложись, да и умирай, и поминай какъ звали».

— «Что же дѣлать! приготовляясь на такой подвигъ, надо быть ко всему готовымъ», отвѣчалъ неумолимый Иванъ Ивановичъ. «Я не сочиняю, а разсказываю. Два раза проѣхавъ степь до Ташкента и обратно, мнѣ слѣдуетъ, я думаю, знать все какъ свои пять пальцевъ. Ѣзжалъ я и на дикихъ лошадяхъ, припряженныхъ къ тарантасу хвостами, за неимѣніемъ постромокъ. Бывало, съ мѣста какъ хватятъ, небо съ овчинку покажется, летятъ какъ шальныя чрезъ холмы, пригорки и овраги, верстъ пять безъ оглядки, а потомъ вдругъ или распрягутся будто по сигналу, или станутъ—и ни шагу, хоть волкомъ вой!... Такъ и стоишь сутки или двое, пока не подвернется на выручку какая ни на есть случайность. Ѣзжалъ и на верблюдахъ, то медленно до тоски невыносимой, то душа въ пятки уходитъ, когда бросятся эти чудовища, какъ за чертомъ въ догонку. Леталъ и въ овраги и на ровномъ мѣстѣ; ухищрялся опрокидываться: всяко бывало, различные мы видали виды».

— «Да это-то ничего, все, что вы сами переиспытали: очень интересно, правоучительно и очень правдоподобно; но что касается остальнаго, то было бы желательно, въ подкрѣпленіе вашихъ описаній, услышать хотя одинъ примѣръ, чтобы тигры, барсы или другіе кровожадные обыватели этой богопротивной степени, напали или

даже пытались бы напасть на проѣзжающихъ», говоритъ тотъ же слушатель.

— «Какъ бы не такъ! вамъ уже когда медъ, такъ и ложкою», возражаетъ нисколько не смущаясь Иванъ Ивановичъ. «Достаточно знать, что въ степи есть лютые звѣри, чтобы не сомнѣваться, что они могутъ напасть, и что, слѣдовательно, каждый проѣзжающій вправѣ этого ожидать и на это расчитывать. А то захотѣли примѣровъ! вотъ погодите: неравенъ часъ, можетъ быть на ваше счастье выпадетъ и примѣръ».

— «Нѣтъ ужь, очень благодарны за такое счастье! насъ нисколько оно не искушаетъ, мы готовы ограничиться одними вашими разсказами».

— «Вотъ такъ–то лучше, а то примѣры! Ѳома вы невѣрующій! заключаетъ откланиваясь Иванъ Ивановичъ, внѣ себя отъ неожиданно-легкаго выхода изъ такихъ трудныхъ обстоятельствъ.

И долго еще послѣ этого не спится взволнованнымъ путницамъ и много самыхъ недружелюбныхъ пожеланій посылается имъ вслѣдъ, можетъ быть, незлобивому, но безспорно зловредному Ивану Ивановичу за его посильное усердіе и стараніе быть интереснымъ. И по дѣломъ! Переѣздъ черезъ степь слишкомъ богатъ разнообразіемъ неудобствъ и лишеній, которымъ болѣе или менѣе подвергаются всѣ проѣзжающіе, чтобы самому буйному и заносчивому воображенію не избѣжать необходимости въ преувеличиваніи. Есть, пожалуй, и тигры, и барсы, и другіе хищные звѣри; со времени прекращенія платы отъ казны за ихъ уничтоженіе они даже гуляютъ по степи безнаказанно, а въ промежуткѣ, около форта № 2-й и за фортъ Перовскій, развелись до такой степени, что на каждой станціи только и слышишь о зарѣзанныхъ тиграми, какъ выражаются въ степи, лошадяхъ и верблюдахъ. Но этимъ пока ихъ подвиги и ограничиваются; никто изъ проѣзжающихъ ниразу еще не встрѣтилъ тигра или барса, и ни на кого, даже изъ туземцевъ, они никогда не нападали. Да и нѣтъ надобности имъ увлекаться за невѣрной поживой, когда они могутъ пользоваться безъ риска изъ любаго табуна лошадей или верблюдовъ, которые пасутся въ степи круглый годъ беззащитно. Знайкушай на здоровье, да и баста!

Отсюда явствуетъ, что ночныя илюминаціи въ рисункахъ Ивана Ивановича слѣдуетъ отнести къ необузданности его фантазіи, которую онъ уже слишкомъ распустилъ, предпочитая истинѣ полноту картины. Но за то въ остальномъ нельзя не отдать ему справедливости: онъ фотографически вѣренъ дѣйствительности, и поѣздка въ Турке-

станъ, нынѣшнюю Сыръ-Дарьинскую область, безъ всякихъ преувеличеній, огромное пожертвованіе, на которое можно рѣшиться не иначе, какъ отслуживъ предварительно всѣ, на разные случаи существующія, молебствія о спасеніи отъ болѣзней, крушеній, глада, наводненій, искушеній, навожденій и, наконецъ, отъ всякаго врага и супостата.

Я это говорю по опыту и тѣмъ съ большимъ участіемъ, что неумолимое стеченіе обстоятельствъ вынудило меня, одновременно съ такимъ движеніемъ народовъ отъ запада на востокъ, еще разъ провѣрить на себѣ неизбѣжныя передряги степнаго путешествія, и еще разъ переиспытать впечатлѣнія, отъ которыхъ еле-еле началъ только оправляться. Теперь же этотъ подвигъ обѣщалъ быть несравненно разнообразнѣе и, слѣдовательно, не въ примѣръ менѣе, чѣмъ даже первый льстилъ моему неприхотливому вкусу. Но, «неволя скачетъ, неволя пляшетъ, неволя пѣсенки поетъ». Не хочется, какъ обыкновенно говорятъ, передъ необходимостью лѣзть въ петлю, да ничего не подѣлаешь.... Сказано: польза службы, а тамъ и толковать нечего! Въ римской исторіи встрѣчались и не такіе примѣры самопожертвованія: почему же не увлечься подражаніемъ!

II.

Кончивъ занятія, задерживавшія меня въ Оренбургѣ, я получилъ курьерскую подорожную и 25-го октября 1867 года выѣхалъ въ Ташкентъ. Пора, какъ изволите сами смекнуть, вообще не изъ прелестныхъ, а для поѣздки въ степь и подавно. Погода отвратительная: холодно, мокро, грязно, и бурный вѣтеръ съ каждымъ порывомъ бьетъ все сильнѣе въ мой утлый тарантасъ, какъ будто съ досады, что такая мелюзга въ степномъ его царствѣ осмѣливается препятствовать его нраву. Лошадиные остовы, обтянутые для приличія кое-гдѣ продырявленной кожей, съ понуренными мордами, отбиваютъ мелкою дробью, можетъ быть, послѣдній маршъ въ ихъ тружеппческой жизни. Колокольчикъ еле-еле тилинкаетъ черезъ пятое въ десятое подъ дугой. Возница посягнулъ было затянуть какую-то киргизскую пѣсню, но это ему не удалось: при первомъ же звукѣ, борей захлопнулъ ему глотку—и онъ оборвался. Смотрѣть не на что, пространство голое, неоглядное, и больше ничего; да и дождь съ вѣтромъ хлещетъ прямо въ глаза. Думать и мечтать о себѣ—игра не стоитъ свѣчъ: никогда не случалось, какъ думалось. Думать же и мечтать вообще, и особенно о предметахъ задирательнаго свойства, подобаетъ однимъ лишь особамъ или персонамъ, а нашему брату,

лицамъ или, даже просто, чинамъ штабъ и оберъ-офицерскаго званія, воспитаннымъ въ школѣ совершеннаго почтенія и глубочайшей преданности, подобное упражненіе не къ лицу и не въ руку. А потому, закутавшись въ плотную, я забился въ глубь тарантаса и, предпочитая сладкій сонъ горькой дѣйствительности, тотчасъ же заснулъ съ неподражаемою кротостью и смиренномудріемъ ничѣмъ невозмутимой добродѣтели.

Въ такомъ безукоризненно-похвальномъ употребленіи свободнаго времени провелъ я первую станцію, потомъ вторую и, разумѣется, продолжалъ бы вести себя съ одинаковымъ благоразуміемъ и далѣе. Но увы! На третьей станціи отъ Оренбурга встрѣтилось препятствіе, совершенно неожиданное на такомъ близкомъ разстояніи. На воззваніе моего деньщика «курьерскихъ» послѣдовалъ лаконическій отвѣтъ: «нѣтъ никакихъ».

— «Вретъ!» кричу я, вскрывая наскоро герметически закупоренный тарантасъ, «это быть не можетъ».

— «Точно такъ-съ: всѣ въ разгонѣ», отвѣчаетъ тотъ же голосъ. «Вотъ два тарантаса съ утра ожидаютъ».

— «Какъ же это могло случиться при тѣхъ предупредительныхъ мѣрахъ, какія приняты начальствомъ?» говорю я въ видѣ законнаго оправданія первой вспышки. «Позвольте посмотрѣть книгу».

Вылѣзаю съ трудомъ изъ тарантаса, обозрѣваю окрестности: дѣйствительно два тарантаса налицо; одинъ у самаго подъѣзда загородилъ прямой путь, а другой нѣсколько въ сторонѣ и, по несомнѣннымъ признакамъ, оба съ начинкою разнокалибернаго свойства. Это уже такъ скверно, что изъ рукъ вонъ. Встрѣча, при такихъ обстоятельствахъ, съ субъектами прекраснаго пола, даже дѣйствительно прекрасными и, слѣдовательно, легко подходящими подъ всякое благородное и чуствительное сердце, но неодинокими, не всегда бываетъ удобна, хотя и сносна болѣе или менѣе; но встрѣча съ субъектами, причисленными къ прекрасному полу только ради формы, изъ педантизма, это просто тоска, и грусть-тоска, и-грусть и что-то похожее на горькую неправду по службѣ.

Однако же дѣваться некуда, къ неправдамъ не привыкать, а разъ вылѣзъ изъ тарантаса—надо дѣйствовать. Уже вечеръ, почти темно. Пробираюсь кое-какъ черезъ вязкую грязь, дѣлаю значительный обходъ по случаю громадной посудины, помѣстившейся у крыльца, бросаю, по тому же случаю, нѣсколько тяжеловѣсныхъ изрѣченій изъ частнаго лексикона въ пользу ея владѣльцевъ, и наконецъ, предшествуемый смотрителемъ, достигаю вмѣстилища злополучныхъ стран-

никовъ. Боже мой! зачѣмъ я вылѣзъ изъ тарантаса? За такую неосторожность я сразу поплатился всѣми пятью чуствами: барабанныя перепонки затрещали отъ собачьяго лаю и крику, которымъ силились его заглушить; носовая завертка съежилась отъ оскорбительнаго запаха, какимъ пахнуло на меня въ отворенную дверь; изъ глазъ полились обильныя слезы отъ ѣдкаго дыма, густымъ облакомъ стоявшаго въ комнатѣ и застилавшаго окрестности.... Словомъ, я неожиданно очутился въ абсолютномъ недоумѣніи, податься ли впередъ или броситься назадъ, какъ вдругъ пронзительный крикъ: «что это отворили дверь! дѣти могутъ простудиться» съ силой поощрительной преміи внушилъ мнѣ мужество безсознательно ринуться въ самую суть непріятельскаго лагеря и оказаться, съ размаху, какъ разъ на серединѣ поприща, уступленнаго безъ боя моей неутомимой любознательности. Кругомъ все притаилось и дѣлало видъ полнѣйшаго отсутствія всякаго присутствія, даже собаки исчезли съ лица видимой поверхности: только одинъ самоваръ, огромный и красный, съ чайникомъ на макушкѣ, шипѣлъ изъ всей мочи, какъ подобаетъ краснымъ, и нарушалъ воцарившіяся тишину и спокойствіе. Въ этотъ-то моментъ междудѣйствія я бѣгло осмотрѣлъ выпуклости на окружавшемъ меня фонѣ, и, съ вѣрностію соображенія, которою постоянно отличаюсь въ собственномъ мнѣніи, рѣшилъ, что всякое поползновеніе на пріютъ въ комнатѣ положительно немыслимо: четверо мужчинъ, двѣ женщины и пятеро ребятъ, двѣ собаки и одна кошка занимали все видимое и невидимое пространство.... Но прежде нежели мнѣ удалось окончательно оформить продолженіе касательно атмосферы, гигіены и проч., которое обѣщало быть чрезвычайно остроумнымъ, я узрѣлъ поджарую фигуру смотрителя, предлагавшаго мнѣ книгу. Съ видомъ знатока, возбудившимъ всеобщее удивленіе, открываю и перелистываю засаленную рукопись, углубляюсь въ таинственный смыслъ испещрившихъ ее каракулей и, мало по малу, наконецъ прихожу къ убѣжденію, что изъ нея положительно ни въ чемъ нельзя убѣдиться: какъ документъ, тетрадь, въ одно и то же время, могла служить и pro и contra, сирѣчь и вашимъ и нашимъ: лошади, дѣйствительно, какъ будто всѣ были въ разгонѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, судя по разстоянію и времени отправленія, нельзя было отвергать, что онѣ, пожалуй, могли быть и дома. Фактическій контроль, слѣдовательно, могъ подорвать довѣріе къ моей компетентности и только насмѣшить публику.

—«Сколько у васъ лошадей вообще полагается на станціи?» спрашиваю я глубокомысленно.

— «Четыре тройки-съ».

— «Странно. Въ Оренбургѣ установлена очередь именно съ цѣлью предупредить остановки; нарочитый чиновникъ, чуть не въ генеральскомъ чинѣ, строго слѣдитъ, чтобы на станціи не отпускали въ день болѣе двухъ троекъ, а на третьей станціи уже столько подорожныхъ, что не достаетъ даже четырехъ троекъ».

— «Ничего нѣтъ страннаго», вмѣшивается одинъ изъ проѣзжающихъ, видимо обрадованный случаемъ излить накопившуюся желчь; «нѣкоторые изъ болѣе догадливыхъ, не желая проживаться въ Оренбургѣ и терять золотое время, выѣхали на первую или вторую станцію, въ перерѣзъ намъ, на вольныхъ, а потомъ поѣхали на почтовыхъ, назло всѣмъ расчетамъ и впереди всѣхъ, ожидающихъ очереди».

— «Скажите какъ это просто и въ то же время остроумно! Стоитъ ли послѣ этого заботиться о неблагодарныхъ, которые, вмѣсто того чтобы оцѣнить мѣру, изобрѣтенную для ихъ пользы, сами же подрываютъ ее непозволительными ухищреніями».

— «Во-первыхъ, никому нельзя запретить ѣхать на вольныхъ, сколько бы кто ни пожелалъ», отозвался тотъ же желчный господинъ: «во-вторыхъ, я не вижу повода быть благодарнымъ за то, что васъ задерживаютъ, когда вы торопитесь, и заставляютъ истрачиваться, когда вы должны экономничать; и, наконецъ, въ третьихъ, заботиться о раскладкѣ проѣзжающихъ по почтовымъ средствамъ, вмѣсто того чтобы почтовыя средства подготовить по числу проѣзжающихъ, значитъ заботиться совершенно наперекоръ цѣли и наносить вредъ изъ желанія принести пользу».

— «Но мнѣ кажется, вы упускаете изъ виду, что увеличеніе почтовыхъ средствъ потребовало бы увеличенія расходовъ, и....»

— «Вотъ открыли Америку! Разумѣется, новыя требованія должны вызвать и новые расходы. Вы взяли въ опеку огромную страну, съ цѣлью надѣлить ее всѣми благами цивилизаціи по части экономической, соціяльной, интелектуальной, административной и проч. и проч.; вы образовали вновь цѣлое генералъ-губернаторство и хотите, чтобы это обошлось даромъ, что бы новое генералъ-губернаторство оставалось постоянно чуть не на томъ свѣтѣ! Вѣдь это равносильно сознанію собственнаго безсилія!... Развѣ вы недостаточно испытали прелесть такого положенія? Или четырехлѣтняго опыта мало, чтобы убѣдиться въ необходимости начинать дѣло серьезно и всегда съ самаго начала.... понимаете съ самаго начала?»

— «Да имѣйте же терпѣніе», говорю я примирительнымъ, нѣжно

заискивающимъ тономъ; «дѣло, безъ сомнѣнія, начнется съ начала; но вѣдь мы не въ Англіи, не въ Сѣверной-Америкѣ, гдѣ люди развились до такого практическаго смысла, а телеграфы и желѣзныя дороги пользуются такимъ абсолютнымъ авторитетомъ, какъ синонимы выгоды и всякаго добра, что они прокладываютъ желѣзные пути и телеграфныя линіи, не задумываясь, къ каждой мѣстности, гдѣ живутъ люди. Мы въ Россіи, намъ нужно прежде ознакомиться съ краемъ, съ мѣстными условіями, со средствами и съ потребностями....

— «Ну да, да! И все устроится какъ нельзя лучше!... Но вѣдь жизнь не ждетъ: у ней все какъ по писанному! Какъ же вы думаете до тѣхъ поръ управлять краемъ, въ которомъ нѣтъ сообщеній? Или это мелочь? Стоитъ только не трогать и все будетъ благодушествовать?»

— «Да что же прикажете дѣлать? нельзя же тяпъ–ляпъ да и корабль! По правиламъ единства кассы, всякій расходъ, какъ бы онъ ни былъ незначителенъ и экстрененъ, долженъ быть утвержденъ извѣстнымъ установленнымъ порядкомъ».

— «Благодарю васъ! Вводить единство кассы, прежде чѣмъ слить край воедино съ нутромъ Россіи, все едино что обрекать насъ, въ будущемъ, на единодушное голодное уединеніе!... Благодарю, продолжалъ съ возрастающимъ жаромъ мой антагонистъ: это единственно вѣрный въ своемъ родѣ порядокъ для поддержанія и развитія многочисленныхъ безпорядковъ. Благодарю, благодарю! неистово гаркнулъ онъ во всю могучую глотку, опрокинувъ свое сѣдалище и ставъ въ грозную позу Юпитера-громовержца.

По этому крику, какъ по сигналу «спасайся кто можетъ» всѣ въ одинъ мигъ вскочили съ своихъ мѣстъ; малолѣтки напередеръ завопили благимъ матомъ, съ акомпаниментомъ немузыкальнаго тембра; собачьё съ лаемъ бросилось изъ-подъ дивана и изъ-подъ юпокъ, обнаруживая непритворное расположеніе кого–нибудь растерзать; кошка фыркнула во всѣ нелегкія и очутилась сразу на печкѣ; смотритель исчезъ безъ приготовленія, какъ не бывало, будто провалился въ преисподнюю.... Одинъ я остался недвижимъ, въ нѣмомъ созерцаніи живаго образчика юпитерскаго величія и паническаго страха, какой онъ обязанъ производить на окружающіе его предметы.

— «Да уйми ты этихъ возгряковъ!» возопилъ Юпитеръ, вѣроятно къ спутницѣ своей жизни. «Мочи нѣтъ, какъ надоѣли за дорогу».

— «Уймись лучше самъ и не пугай дѣтей своимъ крикомъ», отвѣчалъ твердый голосъ, привыкшій къ командованію.

— «Благодарю васъ! я же и виноватъ!» возразилъ видимо озадаченный Юпитеръ; потомъ, постоявъ съ минуту на мѣстѣ, онъ быстро обратился ко мнѣ, съ возгласомъ: «единство кассы!...»

— «Опять?...»

— «Ну, не буду, не буду! И поговорить-то нельзя какъ подобаетъ дѣльному человѣку, а между тѣмъ отъ рѣшенія такого вопроса, какъ единство кассы....»

— «Да перестань же», произнесъ тотъ же голосъ еще тверже.

— «Ну, ну баста! О, жизнь и твои окрестности, сказалъ мудрецъ, и очень справедливо!» пробормоталъ Юпитеръ сквозь зубы, шагая въ волненіи по комнатѣ.

Въ этотъ моментъ появился на порогѣ смотритель, котораго я считалъ провалившимся въ тартарары, и голосомъ, еще дрожавшимъ отъ страха, провозгласилъ, что лошади прибыли, и что вотъ-вотъ онѣ только «маненько позабавятся ячменькомъ», а потомъ тотчасъ же будутъ готовы съ новымъ удовольствіемъ влачить насъ по старой дорожкѣ.

Привыкшіе постоянно ѣздить только по желѣзнымъ дорогамъ и, словно по щучьему велѣнію, перелетать огромныя разстоянія, неиспытавшіе болѣе неудобнаго катанія въ пустопорожнемъ пространствѣ матушки-Россіи какъ съ курьеромъ впереди на заранѣе подготовленныхъ лошадяхъ — привилегія, которою еще пользуются въ захолустьяхъ и на нѣкоторыхъ окраинахъ нашей милой родины—эти господа не могутъ себѣ и представить магическаго вліянія на огорченныхъ и тоскующихъ узниковъ извѣстія о появленіи четвероногихъ опасностей на мутномъ горизонтѣ ихъ нетерпѣливыхъ ожиданій. Вдругъ они всѣ измѣняются и въ ширину, и въ глубину своего существованія; самыя сумрачныя физіономіи озаряются улыбкой самодовольствія; обыкновенно лѣнивые становятся дѣятельными, молчаливые рѣчистыми, тупые остроумными, снисходительнѣе смотрятъ другъ на друга, и всѣ чрезвычайно любезны съ смотрителемъ, которому, еще за минуту, готовы были напакостить на всю жизнь; всѣ единогласно сознаютъ въ немъ человѣка, добряка, угощаютъ его чаемъ, водкой, папиросами, иные на прощанье, отъ избытка благодарныхъ чувствъ, разсказываютъ ему анекдотцы, жмутъ руку—просто «amis cochons», да и баста! И это все отъ одного извѣстія о возможности наконецъ двинуться впередъ, выйти на свободу.... Странствующему люду не Богъ вѣсть что нужно.

Несмотря на гнусную погоду и темную ночь, никто и не думалъ ожидать утра. Чего добраго! наѣдутъ слѣдующіе по пятамъ, возьмутъ лошадей, и тогда пиши пропало на весь путь, пожалуй до мѣста. Юпитеръ сразу поднялся съ сложною плеядой своихъ спутниковъ и всѣмъ задалъ работу; всѣ бѣгали взадъ и впередъ, суетились, увязывали, укладывали, понукали ямщиковъ, медленно запрягавшихъ лошадей, укутывали и выносили малолѣтковъ двуногихъ и четвероногихъ, размѣщали ихъ въ тарантасахъ, ссорились, кричали, визжали, мирились, хохотали, опять ссорились и визжали; словомъ, смотря на возню этихъ бѣдняковъ и представляя себѣ горькую чашу, которую они неизбѣжно должны будутъ испить въ продолженіе длинной и незнакомой имъ дороги, я неразъ поздравилъ себя съ одиночествомъ, и какъ ни грустно было вспомнить о далеко-оставленныхъ близкихъ сердцу, все-таки я не пожалѣлъ, что ихъ не было со мною. Ужь если пришлось терпѣть, то лучше одному: единственный, кажется, сортъ эгоизма, съ которымъ легко помириться въ человѣческой природѣ.

Въ промежуткѣ общей сумятицы, Юпитеръ успѣлъ, однакоже, пойматъ меня за пуговицу, и, не замѣчая приближавшейся къ намъ его дражайшей половины: «запомните мои слова», проговорилъ онъ съ чуствомъ и разстановкой: «единство кассы, при невозможности предвидѣть всѣ обстоятельства, слѣдовательно, и опредѣлить съ точностію всѣ расходы, при отдаленности отъ главныхъ административныхъ центровъ и при отсутствіи правильнаго съ ними сообщенія.... Вѣдь это смерть!...»

— «Языкъ, языкъ!» раздалось у самаго его уха.

— «Ахъ, и ты здѣсь!»

Онъ пожалъ мнѣ руку и быстро сократился въ противную сторону.

Благодаря курьерской подорожной, внушающей до самаго Орска нѣкоторое уваженіе, мои лошади были уже готовы, а потому, простившись съ компаніей, я снова углубился въ тарантасъ и, положившись совершенно на свою судьбу, на кошачьи глаза возницы и на примѣрное худосочіе и многолѣтнюю практику лошадей, тронулся въ незримое пространство наизустъ, во всѣ лопатки, какъ будто отъ кого нибудь улепетывалъ. Это самый вѣрный признакъ дурныхъ ямщиковъ и лошадей: вы трепещете за цѣлость головы и тарантаса только въ началѣ и въ концѣ станціи, когда васъ мчатъ съ остервененіемъ, въ обрѣзъ, что есть силы у лошадей; но за то весь остальной путь эти животныя съ такимъ же остервененіемъ отдыхаютъ,

еле-еле передвигая ноги, и какъ бы собираясь съ силами доконать васъ блистательнымъ заключеніемъ.

Зная на опытѣ безполезность сбивать ихъ съ такого расчета, и особенно при удобствѣ на каждомъ шагу поплатиться за это собственнымъ животомъ, я строго придерживаюсь въ подобныхъ случаяхъ принципа невмѣшательства—влачи меня какъ знаешь, только не нарушай уже черезъ-чуръ моего равновѣсія. Дорога отвратительная; вѣтеръ и дождь не стихаютъ ни на минуту; хотѣлъ было заснуть, да никакъ не могу разстаться съ мыслію о Юпитерѣ. Невольный его порывъ, возмутившій такъ неожиданно общественное спокойствіе, помѣшалъ ему высказаться, и мнѣ жаль было неоконченнаго съ нимъ разговора. Разумѣется, предубѣжденіе его противъ единства кассы вообще слишкомъ преувеличено; многое, пожалуй, можно сказать, противъ одинаковаго примѣненія новаго порядка въ частностяхъ ко всѣмъ далеко неодинаковымъ условіямъ различныхъ мѣстностей обширнаго государства, противъ слишкомъ дробной спеціялизаціи бюджета, противъ права урѣзыванія, чисто на счастіе, смѣтъ, составляемыхъ за нѣсколько тысячъ верстъ, и проч. и проч.... Но, въ главныхъ основаніяхъ, этотъ порядокъ принесъ уже неоспоримую пользу и въ примѣненіи его, само собою съ нѣкоторыми измѣненіями, даже къ Туркестантскому краю, единственное спасеніе отъ произвола и неизбѣжныхъ при немъ безпорядковъ. Юпитеръ больно разсвирѣпѣлъ и не успѣлъ оговориться—вотъ вся бѣда (*).

Страхъ я люблю эту неудержимую, задушевную рѣчь, вырывающуюся у честнаго человѣка при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и притомъ безъ всякаго расчета, изъ единой прирожденной его натурѣ любви къ истинѣ. Такіе фанатики правды на служебной аренѣ быстро не идутъ и далеко не уходятъ: они вѣчно вращаются въ густой массѣ толпы; но тѣмъ вѣрнѣе они не проходятъ безслѣдно и тѣмъ прочнѣе и плодотворнѣе оставляемое ими впечатлѣніе. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждалъ одинъ очень неглупый и компетентный въ этомъ дѣлѣ мой пріятель, которому больно не везло по службѣ, и по самой простой причинѣ: онъ совсѣмъ не зналъ политики и никакихъ conceptions mathématiques, а между тѣмъ жаловался, что не можетъ дойти до степеней извѣстныхъ. Такой право несообразительный! Много, значитъ, мужества къ гражданской честности, но

(*) Кассовые порядки, въ примѣненіи къ Туркестанскому генералъ-губернаторству, были обсуждены въ составленномъ въ Ташкентѣ особомъ комитетѣ, и затѣмъ введены въ дѣйствіе только съ нѣкоторыми измѣненіями, вызванными исключительнымъ положеніемъ края. *Замѣч. автора.*

ни малѣйшей теоретической подготовки.... Впрочемъ, это его дѣло, пусть онъ самъ и отдувается; я же человѣкъ что ни на есть почтительнѣйшій; мнѣ лишь бы цѣлымъ добраться до станціи, напиться чаю и поскорѣе оттуда выбраться. Вотъ все, въ чемъ не желалъ бы на сей разъ встрѣтить препятствій.

Переѣздъ тянулся довольно долго, но сошелъ съ рукъ безъ особенныхъ треволненій. Станція уже недалеко; впереди замелькалъ огонекъ; ямщикъ поретъ обычную горячку, чтобы отличиться по службѣ; лошади скачутъ нещадя въ смерть опротивѣвшаго имъ животa; тарантасъ, какъ угорѣлый, перебрасывая меня со стороны на сторону, мечется во всѣ стороны; словомъ, мы находились въ послѣднемъ, очередномъ пароксизмѣ движенія, который унимается обыкновенно передъ самымъ подъѣздомъ станціоннаго дома.

Крикъ и движеніе ямщиковъ около станціи и зазвенѣвшій колокольчикъ предупреждали о возможности препятствій. Не карета, не тарантасъ и не фургонъ, а что-то похожее на каждое порознь, нарочито приспособленное къ переѣзду черезъ степь, въ видѣ комнаты, обтянутой холстомъ, съ дверьми и окнами съ обѣихъ сторонъ, на тарантасныхъ дорогахъ, тронулось съ мѣста и исчезло въ пространствѣ.

— «Мазать! лошадей и самоваръ живо!» скомандовалъ мой Санчо-Панса, слѣзая съ козелъ. Съ выѣзда изъ Оренбурга, этотъ господинъ ведетъ себя съ примѣрнымъ постоянствомъ: лошади запряжены и все уже готово, и онъ налимонился, еле взбирается на козлы; всю дорогу, для сокращенія времени, спитъ какъ убитый, несмотря ни на какія притыканія, а съ пріѣздомъ на станцію отрезвляется, дѣйствуетъ энергично, въ антрактахъ прикладывается къ ликидамъ и въ данный моментъ снова пьянъ—хоть выжми.

— «Кто это отъѣхалъ?» спрашиваю я смотрителя, входя въ комнату. Господинъ, къ которому относился мой вопросъ, мизернаго склада, коротенькій, небритый, въ окулярахъ и халатѣ съ сложнымъ букетомъ пропитавшихъ его зловоній, смотритъ на меня и захлебывается какимъ–то чрезвычайно страннымъ смѣхомъ.

— «Ха, ха, ха! — проѣзжающіе, сударь, въ Туркестанъ!—Ха, ха, ха!—все въ Туркестанъ, все въ Туркестанъ!»

Видно было, по искривившейся физіономіи, смотрителя, что смѣхъ этотъ вызванъ не радостію или удовольствіемъ, а чѣмъ–то до крайности возмутившимъ его душу, потрафившимъ въ самую суть его существа и переполнившимъ озлобленное чувство до истерическаго взрыва. Смѣхъ, безъ малѣйшаго намека на улыбку, похожій на во-

пли, напомнилъ мнѣ Фигаро: «Je me presse de rire de tout, de peur d'être obligé d'en pleurer» (*).

— «Да чему же вы смѣетесь?»

— «Ахъ, Боже мой! чему обыкновенно и всѣ смѣются? Значитъ, вышло что нибудь смѣшное!» отвѣчалъ смотритель съ желчью. — «Развѣ мнѣ, больному уже третій мѣсяцъ, придетъ охота смѣяться такъ себѣ — здорово живешь? Смѣюсь—значитъ задѣло уже черезъчуръ за живое. Позвольте подорожную».

— «Что же такое случилось, секретъ что-ли?» повторяю я, отдавая подорожную.

— «Какой секретъ!—ничего подобнаго!—Вотъ, изволите видѣть, семейство проѣхало изъ Петербурга: это чиновникъ съ женою, да трое дѣтей, да прислуга женская, въ дорогахъ видно не бывали: то не такъ, другое не такъ, многаго не хватаетъ, средствъ не довольно; онъ на нее: «ты, говоритъ, виновата—меня смутила», а она ему «нѣтъ, говоритъ, ты виноватъ во всемъ: безъ тебя мнѣ и въ голову не могло придти бросить мѣсто и родныхъ въ Петербургѣ и тащиться съ дѣтьми Богъ вѣсть куда.... Ты мнѣ наговорилъ турусы на колесахъ, и то тебѣ обѣщали, и другое посулили, и денегъ получишь чуть не съ три короба, и поѣдешь пріятно, и будешь жить припѣваючи.... Все это и днемъ и ночью ты мнѣ твердилъ, а что вышло на повѣрку?» Онъ ходитъ сердитый такой взадъ да впередъ, и все ворчитъ: «да, говорилъ, ну что же что говорилъ? а все таки ты виновата! безъ тебя я бы не рѣшился». — «Погодите, говорю, сударыня, еще до мѣста далеко; вы только на четвертой станціи отъ Оренбурга, и дурнаго, надѣюсь, ничего не видѣли». Она обмѣрила меня глазами съ ногъ до головы, какъ бы соображая, чтобы со мною сдѣлать, да какъ вскочитъ: «Боже мой! — говоритъ— чего же еще хуже? что имѣли—продали за безцѣнокъ, что получили отъ казны, уже большую половину прожили и протратили за дорогу и въ противномъ Оренбургѣ! Дѣти нездоровы, сама я больна, а тамъ дальше, говорятъ, лошади невыѣзжанныя, носятъ сплошь и рядомъ и опрокидываютъ.... Придется потомъ ѣхать на какихъ-то дромадерахъ, какъ мнѣ разсказывалъ одинъ офицеръ; потомъ Каракумъ, переправа черезъ Сыръ-Дарью, тигры, барсы», и съ этимъ словомъ бросилась на диванъ—и въ слезы, а дѣти за ней—ревутъ что есть силы.... Одинъ голосистѣе всѣхъ кричитъ: «мама, мама, боюсь!» Что тутъ дѣлать! меня одолѣваетъ и хохотъ, и жалость, а онъ злится; то одному ротъ зажметъ, то другому, то жену уговари-

(*) „Я спѣшу смѣяться надъ всѣмъ, отъ страху, чтобы не заставили плакать".

ваетъ; то схватится, сердечный, обѣими руками за голову и бѣгаетъ по комнатѣ. «Вѣдь такъ, говоритъ, всю дорогу: не знаю что легче, съ ума сойти или застрѣлиться». Я спохватился: и въ правду, думаю себѣ, и то и другое легко; скорѣй велѣть запрягать—ну ихъ къ Богу! Хорошо если съ ума спятитъ, ну, а если застрѣлится — бѣды не оберешься. Вышелъ на крыльцо, чтобы подогнать ямщиковъ, и онъ за мною; сѣлъ, бѣдный, на лавочку и затянулъ такую горестную іереміаду: «далеко-ли, говоритъ, уѣхали, а я просто изъ силъ выбился!...»

— «Все-таки ничего не вижу тутъ смѣшнаго», ввернулъ я съ намѣреніемъ подстрекнуть разскащика, начинавшаго интересовать меня.

— «Не спорю-съ: у всякаго свой взглядъ и свой вкусъ! По моему, полѣзли, значитъ, въ воду, не испытавши броду», продолжалъ смотритель, вперивъ глаза въ книгу. «Должность хорошую, говоритъ, занималъ и все шло какъ по маслу; только должишки сокрушили. Вдругъ пріѣхалъ какой-то важный чиновникъ: что вы, говоритъ, здѣсь небо коптите; поѣзжайте въ Ташкентъ; тамъ получите лучшее мѣсто, двойной окладъ жалованья не въ зачетъ, двойные прогоны, да то, да се, да климатъ—въ рай не захочется, фруктовъ—ѣшь не хочу, да все такое иное прочее, сладкое въ рѣчахъ... Ну и соблазнился, передалъ женѣ, она рада: поѣдемъ, говоритъ, нечего тутъ и думать; поѣдемъ, заплатимъ долги и будемъ, по крайней мѣрѣ, спокойны. Согласился; опредѣлили; деньги выдали, набралось всего тысячи три съ половиною, капиталъ хоть куда! ну-съ—заплатилъ долгу рублей восемьсотъ, обзавелся чѣмъ нужно, да взялъ двадцать билетовъ внутренняго займа... Пусть, молъ, лежатъ—ѣсть не просятъ, а неровенъ часъ — можетъ, выпадетъ счастіе, страсть сказать, какъ выиграешь двѣсти тысячъ! Вѣдь для этого одинъ билетъ только и нужно, а тутъ ихъ двадцать, одинъ другаго вѣрнѣе...»

— «Что же! и прекрасно!» замѣтилъ я снова: «и деньги сохранились, и надежды много; въ этомъ опять-таки я не вижу ничего смѣшнаго».

— «Такъ-съ, ничего нѣтъ смѣшнаго: и сладкія надежды, и презрѣнный металъ, и все такое, что сулилъ важный чиновникъ». Смотритель видимо уже разсуждалъ, а не разсказывалъ. «Ну-съ—дальше. Закупили что нужно, въ театрахъ, на островахъ побывали, нельзя! кто знаетъ, можетъ быть, надолго пришлось съ Питеромъ проститься. Осталось никакъ 300, не то 350 рублей; поѣхали по чугункѣ до Москвы во второмъ класѣ, стоило 100 рублей; до Ниж-

няго тоже рублей до 100; до Самары водою рублей 100, да въ Самарѣ остановились въ гостиницѣ по рублю въ сутки, да харчи, да самоваръ, да тарантасъ нужно купить, анъ хвать! презрѣннаго-то уже въ наличности и нѣтъ, и перехватить негдѣ... Туда сюда—оставалось одно: взяться за сладкія надежды—это бы еще ничего! будь онѣ обыкновенныя, кто ихъ не терялъ—канареечныя и травчатыя, синяки и розовыя, сѣронѣмецкія и радужныя, и даже недотроги-завѣтныя—съ кѣмъ грѣхъ да бѣда не случались—ну, потеряешь, проѣшь или пропьешь—дѣло наживное: слезу горячую прольешь сердцу въ облегченіе—и конецъ... А тутъ статья, сударь, совсѣмъ иная: что билетъ, то вопросъ, жизнь или смерть—всѣ одинаковы: по лицу или чутьемъ не угадаешь и внутро не залѣзешь; хорошо попадется свистунъ—туда ему и дорога, а какъ подвернется самый что ни на есть форшмакъ, и ни за что ни про что, только дьяволу на потѣху проскользнетъ у меня, неузнанный между пальцами, и достанется въ поживу другому, тогда какъ я, съ женою и дѣтьми, къ которымъ счастіе было такъ близко, въ рукахъ, было наше безспорно»... При этомъ смотритель, съ трудомъ переводя духъ, вытянулся во весь свой незначительный ростъ; потъ, катившійся по лицу, крупною каплею задрожалъ на кончикѣ носа; глаза разгорѣлись неестественнымъ огнемъ; онъ былъ олицетворенная жертва глубоко прочувствованнаго имъ казуснаго случая. «Что тогда? спросилъ онъ едва слышно, какъ бы обращаясь къ призраку, овладѣвшему его воображеніемъ, «а тогда-то что?»

Вопросъ, дѣйствительно вызывавшій на размышленіе! Я смотрѣлъ на моего собесѣдника и молчалъ, невольно увлекшись эффектностію сцены такого живаго отчаянія.

Минуту спустя, смотритель опомнился, посмотрѣлъ на меня, сѣлъ, поправилъ передъ собою подорожную и началъ записывать ее въ книгу, съ злобнымъ смѣхомъ повторяя: «что же тутъ смѣшнаго? ничего, разумѣется, но смѣшное смѣшному рознь—вотъ что-съ!»

— «Чѣмъ же разрѣшилось затрудненіе этого господина?» спросилъ я, желая помириться и развеселить видимо недовольнаго и взволнованнаго смотрителя.

— «А чѣмъ разрѣшилось!» угрюмо и неохотно отвѣчалъ онъ, складывая мою подорожную. «Въ Самарѣ продалъ какому-то благодѣтелю рода человѣческаго четыре билета по 95 рублей; купилъ тарантасъ, доѣхалъ до Оренбурга, тамъ дней двадцать, что ли, задержали; понадобилось еще много кое-чего купить на дорогу въ степь, продалъ другому такому же благодѣтелю еще два билета, да вотъ

теперь ѣдетъ и не нарадуется, что нелегкая его своротила съ пригрѣтаго мѣста... Впрочемъ, развѣ онъ первый или послѣдній? Теперь что день, то нѣсколько тарантасовъ отправляются въ Туркестанъ— должно быть ужь очень лакомая сторонка... Прикажете запрягать?»

— «Да, пожалуйста, распорядитесь».

— «Не задержимъ-съ, будьте благонадежны.... Гм! ничего нѣтъ смѣшнаго! Погодите, самое смѣшное еще впереди», ворчалъ онъ, выходя на крыльцо.

Способъ воззрѣнія, складъ рѣчи и одушевленіе, несовмѣстныя съ званіемъ станціоннаго смотрителя, надоумили меня полюбопытствовать у старосты, вошедшаго за прогонами: давно ли этотъ господинъ здѣсь смотрителемъ?

— «Да это не смотритель, ваше сіятельство» — титулъ, признанный ямщиками и извозчиками за средне-пропорціольный, и потому равно безобидный для проѣзжающихъ отъ самаго великаго до самаго незамѣтнаго чина включительно: «это тоже чиновникъ, али прикащикъ, Богъ его знаетъ; ѣхалъ, да заболѣлъ и вотъ ужь съ мѣсяцъ хвораетъ, а тутъ дня съ три смотрителю потребовалось съѣздить въ Оренбургъ, онъ его и оставилъ за себя заправлять станціей».

Хотѣлъ было поподробнѣе узнать объ этомъ интересномъ субъектѣ, но староста ничего больше о немъ не зналъ, а самъ онъ исчезъ и ужь больше не показывался. Такъ я и уѣхалъ съ неудовлетвореннымъ любопытствомъ.

На другія сутки по выѣздѣ изъ Оренбурга, еще засвѣтло я пріѣхалъ въ Орскъ. Здѣсь каждый проѣзжающій неизбѣжно долженъ остановиться, чтобы оглядѣться, взять свидѣтельство о днѣ своего выѣзда въ степь, провѣрить и освѣжить, на сколько возможно, съѣстные и питейные запасы, осмотрѣть и, если нужно, починить тарантасъ, мысленно послать еще одинъ прощальный привѣтъ дорогому, что остается назади, и подготовиться силами и духомъ ко всему, чѣмъ Богъ благословитъ впереди, на просторѣ, которымъ такъ великодушно размахнулась на востокъ наша матушка–Россія.

Содержатель степной станціи въ Орскѣ—киргизъ, а станціонный смотритель—казакъ, два одинаково благонадежныя ручательства въ неисправности станціи. Распоряженіе, имѣвшее цѣлью обезпечить безостановочный переѣздъ черезъ степь, послужило имъ поводомъ къ безнаказанной эксплуатаціи проѣзжающихъ. До двадцати экипажей я засталъ въ Орскѣ, и изъ нихъ только немногіе починялись у кузницъ, остальные же всѣ по нѣскольку уже дней ожидали лошадей. Объ очереди не было и помину: тотъ уѣзжалъ прежде, кто или за-

платилъ лишнее сверхъ прогоновъ, сколько отъ него потребовали, или достаточно былъ силенъ и спеціяльно подготовленъ, чтобы отстоять свое право кулакомъ или нагайкой. Послѣдняя снасть, въ особенности, благодаря своему кровному происхожденію и внушительной наружности, пользовалась самымъ обстоятельнымъ авторитетомъ. Въ этомъ меня лично увѣряли подлинные естествоиспытатели, пронесшіеся ураганомъ по степи и составившіе себѣ только нагайкой громкое имя степныхъ рыцарей. Что прикажете дѣлать? О существованіи мѣстной власти, даже въ Орскѣ, носятся только неопредѣленные слухи, непровѣренные еще никѣмъ фактически, а въ степи пока они положительный миѳъ, который легко воплощается въ каждомъ проѣзжающемъ: летучка впереди, генеральскій чинъ, орденъ или что нибудь въ родѣ ордена на шеѣ, свирѣпый видъ, смертоносное оружіе или нагайка въ рукѣ, все наводитъ страхъ и уныніе на дикихъ и суевѣрныхъ киргизовъ, и все, болѣе или менѣе, поддерживаетъ въ нихъ понятіе о многочисленности и разнообразіи русскаго начальства.

III.

Курьерская подорожная, при неутомимой пронырливости и воинственныхъ ухваткахъ моего деньщика, и здѣсь восторжествовала: я въ ту же ночь выѣхалъ изъ Орска и къ разсвѣту былъ въ Токанѣ. Первая станція въ степи.... До слезъ прискорбной наружности глиняная посудина въ голомъ пространствѣ—и больше ровно ничего! хоть шаромъ покати. Я обошелъ кругомъ эту посудину, осмотрѣлъ всѣ углы снаружи, заглянулъ въ утробу — никого и ничего! ни малѣйшаго признака чьего-либо присутствія.

Ямщикъ выпрягъ лошадей, привязалъ ихъ къ чему-то, напоминающему о сокрушившейся телѣгѣ, подошелъ ко мнѣ и съ глупымъ видомъ человѣка, исполняющаго привычную формальность, пробормоталъ:

— «На водка́».

— «А лошади?»

— «Моя не знаитъ, ямщикъ джохъ, лоша нѣту...»

— «Э, нѣтъ милѣйшій, такъ не отдѣлаешься, ищи ямщиковъ и лошадяхъ поѣду дальше».

— Моя незнаитъ, ямщикъ джохъ, лоша...

Въ этотъ моментъ выскочилъ изъ-за тарантаса мой «неукротимый» и, въ порядкѣ сокращенной переписки, схватилъ возницу за шиворотъ, повлекъ къ лошадямъ, выбралъ одну для себя, другую

для него и по командѣ «гайда» поскакали куда глаза глядятъ, и скоро скрылись изъ виду. Неделикатное, но единственное средство, которымъ можно было еще надѣяться чего-нибудь добиться. Я остался одинъ: ни живой души, ни движенія, ни звука — пусто, тихо, мертво кругомъ, хоть ходуномъ ходи, хоть волкомъ вой, твори что придется по нраву, ни въ чемъ нѣтъ запрету. Свобода полная, безграничная, просто умапомраченіе! Третій уже разъ я проѣзжаю степь, переиспыталъ въ волю различныхъ положеній, но ниразу не могъ встрѣтить равнодушно эту свободу: она охватывала меня чувствомъ такого одиночества, тоски, безсилія и безпомощности, что я положительно готовъ былъ заревѣть на девяносто девять диковинъ, если бы на минуту усомнился въ возможности привлечь этимъ просвѣщенное вниманіе какого нибудь звѣря, отъ котораго, пожалуй, пришлось бы заревѣть еще сильнѣе. На горизонтѣ показалась движущаяся масса. Сперва я подумалъ, что гонятъ лошадей; но это было бы черезъ-чуръ скоро: только полтора часа какъ за ними ускакали, а въ степи—извѣстное дѣло—самые ближайшіе кормы верстъ пять или шесть. Это называется подъ рукою, а то верстъ десять и больше, да пока найдутъ годныхъ, поймаютъ и пригонятъ, проходитъ обыкновенно часа три, если не больше. Подъѣхалъ тарантасъ, нагруженный халатниками, какъ называютъ здѣсь русскіе туземцевъ; лошади почтовыя, но никто не вылѣзаетъ, даже ямщикъ остается на козлахъ, о чемъ-то всѣ съ нимъ толкуютъ, осматриваютъ мѣстность кругомъ и будто бы внюхиваются. Немного спустя, видимо сговорились, хлопнули по рукамъ, ямщикъ махнулъ кнутомъ, тарантасъ тронулся и халатники съ торжествующими рожами проѣхали мимо меня и скоро исчезли по дорогѣ на слѣдующую станцію. Значитъ, смекнули—штука не новая. Попробуй нашъ братъ проѣхать двѣ станціи на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ, ямщикъ такъ упрется и завопитъ: «моя джохъ, хозяинъ, лоша пропалъ» и т. п., что безъ нагайки или другаго какого нибудь побудительнаго средства ничего съ нимъ не подѣлаешь, а у туземцевъ это плевое дѣло: текстъ изъ шаріата, кое-что изъ адата, два три кокана (*) на аракъ — и вся недолга: законъ посторонился—качай мимо... Ни смотрителя, ни писаря, ни признака начальства! Завѣдывающій табуномъ киргизъ, который васъ не понимаетъ—вся предержащая власть, и стоитъ только оплошать, онъ дѣлаетъ съ вами что хочетъ. Туземцы ѣдутъ обыкновенно по частнымъ подорожнымъ, а получаютъ лошадей даже на станціяхъ, гдѣ сами хозяева, прежде должностныхъ лицъ, хотя бы

(*) Коканъ на нашу монету равняется двугривенному.

съ курьерскими подорожными: завезутъ тарантасъ въ сторону отъ дороги, выпрягутъ, запрягутъ и не успѣешь спохватиться, уже поминай какъ звали. Въ простотѣ сердечной можно было бы принять это за корысть, такъ какъ ѣдущіе по частнымъ подорожнымъ платятъ копѣйкой на версту и на лошадь дороже, но въ такомъ случаѣ почему же русскіе купцы испытываютъ задержки и притѣсненія всякаго рода? Значитъ, тутъ суть-то собственно не въ деньгахъ, а въ наслѣдственной неблагодарности правовѣрныхъ къ своимъ благодѣтелямъ русскимъ и въ наслажденіи, даже съ рискомъ для личной бороды, наплевать въ бороду кяфиру. Такъ или иначе, я остался снова одинъ-одинешенекъ, поддерживая извѣстную храбрость моего терпѣнія не всѣмъ извѣстнымъ, но въ-плотную подходящимъ къ подобнымъ случаямъ, анекдотомъ, которымъ меня снабдилъ въ критическую минуту одинъ изъ знакомыхъ мнѣ армянъ, людей по преимуществу логичныхъ и чрезвычайно практическихъ, и которымъ, по долгу христіянина, я считаю обязанностію прислужиться желающимъ:

«Двое пріятелей, гуляя и разсуждая, вѣроятно, о матеріяхъ важныхъ сего или онаго міра, зашли довольно далеко отъ мѣста, изъ котораго вышли. Вдругъ одинъ изъ нихъ очутился въ ямѣ, такой глубокой и съ такими крутыми краями, что, безъ помощи лѣстницы или веревки, нечего было и думать оттуда выкарабкаться. Оставшійся на поверхности, озадаченный такимъ, вовсе неостроумнымъ по его мнѣнію, экспромтомъ, заглянулъ въ яму:

— Ты живъ? спросилъ онъ товарища.

— Охъ! завопилъ злосчастный Фердинандъ изъ глубины преисподней.

— Ушибся?

— Охъ! кажется, сломалъ или вывихнулъ ногу.

— Боже, какое несчастіе! я побѣгу за людьми и за веревками, а ты, пожалуйста, подожди тамъ, пока я возвращусь.

— Охъ! злодѣй! послышался голосъ изъ той же глубины: куда же и какъ я побѣгу; разумѣется, буду ждать по неволѣ!

Одушевленный такимъ назидательнымъ примѣромъ означеннаго мудреца, я терпѣлъ ровно четыре часа, пока, наконецъ, добродѣтель восторжествовала: пригнали штукъ семь или восемъ четверокогихъ, приладили кое-какъ пятерку изъ нихъ къ тарантасу — благо вся упряжь была у меня собственная—подержали лошадей подъ уздцы, пока я усаживался, потомъ сразу пустили ихъ, гикнули и мы помчались, какъ одержимые бѣсовскимъ нетерпѣніемъ наверстать потерянное время. Но это не надолго. На третьей верстѣ тарантасъ

вдругъ остановился, колокольчикъ звякнулъ не своимъ голосомъ, дуга свалилась, коренная, съ быстротою достойною подражанія, выскочила изъ оглобель и очутилась мордой къ изумленной публикѣ, съ очевидною цѣлію прихвастнуть своимъ очаровательнымъ поведеніемъ и лично принять поздравленія въ замѣчательной ловкости. По освидѣтельствованіи оказалось, что тарантасъ въѣхалъ совершенно безотчетно въ вымоину, находившуюся въ сторонѣ отъ ровной и гладкой дороги и передними колесами врѣзался въ грунтъ такъ глубоко, что необходимо было общими силами попятить его прежде назадъ и потомъ уже посмотрѣтъ, что изъ этого выйдетъ. Мой «неукротимый», насильственно вырванный изъ объятій Морфея, полѣзъ было прямо изъ дверей въ двери, въ рыло оторопѣвшему возницѣ, намѣревяясь тутъ же, на мѣстѣ преступленія, учинить судъ и расправу по всѣмъ правиламъ искуства и строгости степныхъ законовъ; но на первомъ же абцугѣ я успѣлъ помѣшать такому вторженію въ чужую собственность и въ короткой, хотя очень сильной, рѣчи доказалъ, что впереди насъ проѣзжало такъ много знаменитыхъ амфитріоновъ кулачнаго искуства, что всѣ усилія съ его стороны отличиться по этой части чѣмъ-нибудь новымъ, или отбить у нихъ достойно-пріобрѣтенную славу, пропадутъ чисто ни за спасибо и ровно ничего не прибавятъ особеннаго къ исторіи цивилизаціи средне-азіятскихъ народовъ.

Согласившись единодушно, что самъ Соломонъ не рѣшилъ бы вопроса болѣе безобиднѣе, мы кое-какъ вытащили тарантасъ изъ неловкаго положенія на ровную дорогу, запрягли лошадей, повозились съ ними, пока они надумались, влачить ли насъ безспорно или поартачиться, и, наконецъ, наша взяла: тронулись въ путь до новаго приключенія. Въ степныхъ путешествіяхъ вѣдь только и разнообразія что подобныя приключенія: лошади не пойдутъ, или пойдутъ уже черезъ-чуръ неумѣренно, тарантасъ увязнетъ, кувыркнется, или сломается, кто нибудь вывалится, исколѣчится или въ родѣ этого, вотъ и все! Остальное скука, однообразіе, мерзость запустѣнія—и только.

Истрачиваясь такимъ образомъ въ раздробь физически и морально на подобныя мелкія ощущенія, я проѣхалъ ночью фортъ Карабутакскій, замѣчательный какъ первый и ближайшій къ Россіи этапъ нашъ въ Средней Азіи, и на восьмыя сутки безпрерывнаго стремленія впередъ, яко подобаетъ курьеру, прибылъ въ Уральское укрѣпленіе, отъѣхавъ ровно 680 верстъ отъ Оренбурга, по 85 верстъ въ

сутки или немного болѣе $3^1/_2$ верстъ въ часъ. И сравнительно это еще довольно быстро.

Въ Уральскомъ укрѣпленіи, замѣчательномъ, съ своей стороны, тѣмъ, что оно дальше отъ Оренбурга, чѣмъ фортъ Карабутакскій, пришлось снова затормозиться по неимѣнію лошадей. Здѣсь кстати замѣтить, что въ промежуткахъ, между фортами и укрѣпленіями, до самаго Ташкента, проѣзжающій испытываетъ остановки на станціяхъ большею частію только по причинѣ отдаленности пастбищныхъ мѣстъ и неопытности или небрежности почтъ-содержателей, у которыхъ, однако, всегда лошадей вдоволь. А въ самыхъ фортахъ и укрѣпленіяхъ, гдѣ есть своего рода начальство и, слѣдовательно, можно бы ожидать большей исправности на станціяхъ, задержки постоянныя, даже во время обыкновенныхъ проѣздовъ, именно по недостаку лошадей. Это фактъ для меня необъяснимый. Нѣсколько проѣзжающихъ, настигнутые мною въ Уральскомъ укрѣпленіи, узнавъ, что за мною идетъ еще тройка курьерскихъ и, кромѣ того, на пяти тройкахъ везутъ денежную сумму, рѣшились, по совѣту коменданта, отправиться до форта № 1-го на вольнонаемныхъ верблюдахъ—нѣсколько медленнѣе, но гораздо вѣрнѣе. По справкѣ оказалось, что и я могъ выѣхать не прежде какъ на другія сутки, потому что лошади заморены вообще, и только къ тому времени ожидали ихъ возвращенія изъ разгона. Въ виду возможности отдохнуть и выспаться, мнѣ не было резона черезъ-чуръ этимъ огорчаться, хотя для исполненія формальности я и счелъ долгомъ сложить свою физіономію въ гримасу неудовольствія. Едва я расположился въ особомъ помѣщеніи для проѣзжающихъ, какъ пришелъ комендантъ съ предложеніемъ перебраться къ нему; но, подъ разными благовидными предлогами, мнѣ удалось отъ этого уклониться. Хотя гостепріимство на такомъ пути и особенно отрадно даже по рѣдкости, однако оно требуетъ отъ заѣзжихъ гостей самопожертвованія, на которое рѣшительно я неспособенъ. Въ захолустьяхъ земнаго шара, каковы Уральское укрѣпленіе и степные его братья, на проѣзжающихъ смотрятъ какъ на что-то такое, что собственно и бросается судьбою, по временамъ, для освѣженія мѣстныхъ обывателей, заплесневѣлыхъ въ жизненномъ застоѣ, что обязано пополнить всѣ пробѣлы, образовавшіеся у нихъ въ извѣстный промежутокъ по части свѣдѣній извнѣ, и воспринять все, что накопилось у каждаго на сердцѣ изъ ихъ внутренней жизни; обязано, слѣдовательно, разсказывать до истощенія силъ, слушать до тошноты и до обморока, словомъ, осуждено на жертвоприношенія, не всякому подъ силу. Такъ часикъ или два—гдѣ наше не пропадало—еще

кое-какъ могъ бы отслужить добросовѣстно; но дальше я впадаю въ самое раздраженное расположеніе духа. Значитъ, натура не принимаетъ, ну и ничего съ ней не подѣлаешь.

Комендантъ въ Уральскомъ шведъ; былъ командиромъ казачьяго полка, потомъ попалъ въ унтеръ-шталмейстеры, оттуда въ коменданты, а теперь мечтаетъ снова переправиться въ полковые командиры, вѣроятно въ силу той же послѣдовательности, которою отличается вообще его служебная карьера. Онъ и его семейство прекрасные люди, чрезвычайно гостепріемные хозяева и неутомимые охотники поговорить, просто въ запуски одинъ передъ другимъ, угодно по-нѣмецки—съ большимъ удовольствіемъ, а нѣтъ, такъ про запасъ есть и другой какой-то языкъ, который слываетъ у нихъ подъ названіемъ русскаго и въ которомъ, дѣйствительно, случается изъ пятаго въ десятое что-то на него смахивающее. Но навѣрное утверждать его національность не рѣшаюсь, потому что мнѣ никогда не удавалось уразумѣть въ чемъ дѣло, хотя супруги очень ревниво прислушиваются другъ къ другу, ловятъ съ поличнымъ и съ строгостію пуриста исправляютъ промахи тутъ же, на мѣстѣ преступленія.

Проведя у нихъ коротенькій провинціяльный вечеръ, въ бесѣдѣ самаго умилительнаго свойства, я возвратился послѣ ужина въ свое холодное помѣщеніе. Въ Уральскомъ укрѣпленіи о дровахъ, о каменномъ углѣ или о торфѣ нѣтъ и помину, а солома, бурьянъ и, вообще, какая-то трава, служащая топливомъ, требуются въ такихъ гомеопатическихъ пріемахъ и сравнительно такъ мало согрѣваютъ, что, для избѣжанія возни и изъ боязни остудить еще болѣе воздухъ, я предпочелъ вовсе не топить комнаты. Ночью, разумѣется, пришлось въ этомъ каятся, но было уже поздно. Утромъ, осмотрѣвъ тарантасъ, въ которомъ, въ виду Каракума, необходимо было прикрѣпить коегдѣ ослабшіе нервы, пополнилъ провизію зажареною ляшкой какого-то звѣря и десяткомъ яицъ (по 5 к. за штуку). Около полудня привели пять лошадиныхъ призраковъ, потерявшихъ уже окончательно на службѣ шерсть и мясо, и я снова пустился въ игру на счастіе: «доѣдешь, не доѣдешь»....

Переѣзжая степь, всегда осторожнѣе брать двумя и даже тремя лошадьми больше, чѣмъ дѣйствительно нужно по тяжести экипажа и клади при другихъ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Не говоря уже, что при лишнихъ лошадяхъ, съ тѣхъ поръ какъ киргизы выучились запрягать съ выносомъ, имѣется лишній человѣкъ, который вчастую необходимъ, особенно ночью, когда сломается, опрокинется или увязнетъ тарантасъ, и даже просто при перепряжкѣ лошадей, но безъ

запаса послѣднихъ можно оказаться начисто безъ средствъ продолжать движеніе впередъ. Разстоянія между станціями огромныя, отъ 30—42 верстъ, и то только по маршруту, а на самомъ дѣлѣ, какъ говорятъ: «мѣрила баба клюкой и махнула рукой», всякое терпѣніе выйдетъ изъ терпѣнія, пока доберешься. Когда я ѣхалъ первый разъ въ Ташкентъ, не помню которая именно станція, между Джулекомъ и Туркестаномъ, значилась по маршруту въ 26 верстъ, а на возвратномъ пути засталъ, что ее раздѣлили уже на двѣ половины: одну въ 26, а другую въ 28 верстъ съ хвостикомъ. Но есть еще много станцій, неразрѣшившихся отъ бремени и заключающихъ въ себѣ до сихъ поръ сполна обѣ половины, изъ которыхъ каждая, съ самаго рожденія, больше своего цѣлаго. Кромѣ того, почтовыя лошади, находясь круглый годъ на строгой діетѣ, до такой степени истощены, плохо или вовсе непріѣзжены, что, ѣхавъ даже на пяти подобныхъ клячахъ, перепрягая ихъ безпрестанно и выбрасывая оказавшихся негодными, нерѣдко приходится наконецъ добираться до станціи на одной, много на парѣ, а то просто и пѣшкомъ, и посылать на выручку тарантаса новыхъ лошадей съ другой станціи. Словомъ, объ экономіи, какой бы то ни было изъ полученныхъ на проѣздъ двойныхъ прогоновъ на тройку лошадей, не только напрасно было бы и думать, но нужны еще особенныя умѣнья и акуратность, чтобы не допустить сверхсмѣтнаго расхода изъ собственности, или, по неимѣнію таковой, не застрять гдѣ нибудь въ дорогѣ до втораго пришествія. Хуже этого и огорчительнѣе едва ли можно что нибудь выдумать, хотя примѣры нерѣдки и, въ предвидѣніи ихъ, нынѣшнею зимой былъ командированъ отъ туркестанскаго генералъ–губернатора нарочитый чиновникъ съ деньгами, для выручки путниковъ изъ затруднительнаго положенія, именно вслѣдствіе карманной невзгоды.

Съ пятой станціи отъ Уральскаго укрѣпленія, Терекли, начинается Сыръ-Дарьинская область, вошедшая въ составъ туркестанскаго генералъ-губернаторства, и первый серьезный блинъ, преподнесенный намъ гостепріимствомъ средней Азіи—каракумскіе пески. Трудно себѣ представить что нибудь безотраднѣе, пошлѣе этого огромнаго ломтя земнаго пространства, верстъ на сто слишкомъ, оголенаго мачихой-природой, безъ преувеличенія, до сраму. Ни кустика, ни травки, ни крошечнаго намека на растительность, ровно ничего: голь перекатная, самая безсовѣстная, и песокъ, песокъ, цѣлое море песку. Спасибо еще продолжительнымъ дождямъ, которые въ ноябрѣ упоили его такъ, что онъ не могъ пошевелиться, а въ сухую пору бѣда, какъ иногда разыграется песочный буранъ.... Только немно-

гимъ я пожелалъ бы попасть въ этотъ кавардакъ, для прочистки хоть пескомъ ихъ нравственныхъ убѣжденій.... Станцію отъ Терекли до Джулека, въ легкомъ тарантасѣ, еще можно кое-какъ, хотя съ трудомъ, проѣхать на пяти лошадяхъ; но дальше, по крайней мѣрѣ станціи три, приходится ѣхать не иначе, какъ на верблюдахъ. На первый разъ, судя по громадности и гордому виду этихъ верзилъ, не вѣрится, чтобы они согласились облачиться въ амуницію, совершенно неподходящую къ ихъ складу и мощной натурѣ; но, вникнувъ поближе въ варварскій шкворень, продѣтый у каждаго верблюда чрезъ носовыя скважины, на веревкѣ съ одной и съ заклепомъ съ другой стороны, становится яснымъ, почему верблюды позволяютъ водить себя за носъ и подчиняются многимъ требованіямъ дисциплины несовмѣстнымъ съ ихъ характеромъ и родовыми привычками. Навалите верблюду на хребетъ между горбовъ отъ 16—20 пудовъ тяжести, онъ не поморщится, идетъ себѣ ровною, величавою поступью, да еще любуется, при случаѣ, живописными видами, какъ будто спина сама по себѣ, а онъ самъ по себѣ—не трудится, а только наблюдаетъ. Для такого занятія онъ созданъ, спеціяльно приспособленъ и съ рѣдкимъ достоинствомъ и добросовѣстностью удовлетворяетъ своему призванію; но подведите его, взамѣнъ того, къ тарантасу, онъ возмущается: самый видъ посудины возбуждаетъ въ немъ страхъ и отвращеніе; онъ стыдится работать по лошадиному, чувствуетъ себя не въ своей тарелкѣ и, несмотря на легкость движенія за нимъ тарантаса, реветъ всю дорогу отъ омерзѣнія и боли, вообще протестуетъ противъ такого насилія, не щадя ноздрей, всѣми зависящими отъ него способами. Разумѣется, шкворень къ носу не то, что руки въ карманы—и самъ себѣ баринъ: научатъ хоть кого знать кто сильнѣе; тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться, что возить, а не носить тяжести, вовсе не дѣло верблюдовъ, по крайней мѣрѣ до изобрѣтенія нарочитой для нихъ упряжи, въ которой они возили бы не горбомъ, съ пристегнутыми къ нему оглоблями, что должно быть больно и крайне неудобно, а всѣмъ туловищемъ, слишкомъ могучимъ, чтобы стѣсняться, въ такомъ случаѣ, какимъ нибудь жалкимъ тарантасишкой. Для переѣзда черезъ степь подготовляютъ въ Оренбургѣ особые экипажи, подъ названіемъ степныхъ, о которыхъ я упомянулъ выше, на деревянныхъ осяхъ и колесахъ, съ широкими ободьями. Въ такихъ экипажахъ, дѣйствительно, легче можно перебраться черезъ пески, но тѣмъ ихъ удобство и ограничивается; для остальнаго пути они рѣшительно ненадежны, или нужно тащить за собою цѣлый возъ запасныхъ осей, невыдерживающихъ скачковъ

почтовой ѣзды. Поэтому рѣдко кто дерзаетъ пускаться въ дорогу въ подобныхъ экипажахъ.

IV.

Подаваясь съ медленною поспѣшностью, не болѣе трехъ верстъ въ часъ, три станціи на дромадерахъ, а четвертую на лошадяхъ, я одолѣлъ въ двое сутокъ пространство до станціи Алты-Кудукъ, у залива Аральскаго моря, и еще черезъ сутки, ночью, прибылъ въ бывшій фортъ № 1, по старому, Казале, по новому Казалинскъ.

Сотни двѣ, съ небольшимъ, мизерныхъ лачужекъ на голой равнинѣ, у берега Сыръ-Дарьи, знаменитая своею будущностью аральская флотилія, нѣсколько вѣтряныхъ мельницъ, недавно открытая дрянненькая гостиница и издавна ни одной церкви—вотъ все, чѣмъ пока можетъ гордиться вышерѣченный фортъ.

По части мѣстной промышлености, фортъ № 1-й самый хлѣбороднѣйшій изъ всѣхъ пунктовъ сыръ-дарьинской линіи, хотя провіянтъ для довольствія гарнизона и проходящихъ войскъ заготовлялся въ былое время, или, откровеннѣе сказать, дѣлалъ только видъ, будто заготовлялся за тысячу верстъ, въ Оренбургѣ. Не совсѣмъ хитрая штука эта совершалась такимъ образомъ. Снабженіе магазиновъ вообще на линіи дѣлилось по формѣ на двѣ отдѣльныя операціи: поставку требуемаго количества въ оренбургскій степной магазинъ и перевозку того же количества изъ степнаго магазина до мѣстъ назначенія. Взявшій на себя съ торговъ первую операцію, положимъ, въ десять тысячъ четвертей муки, по три рубля съ полтиною за каждую, заключалъ тотчасъ же контрактъ, получалъ въ задатокъ 17,500 рублей и опочивалъ на лаврахъ до результата торговъ на перевозку. Утверждалась перевозка за нимъ же—тѣмъ лучше, меньше треволненій, а если за другимъ—немедленно совершалась сдѣлка, и на выгодныхъ для обоихъ условіяхъ обѣ операціи въ сущности сливались въ одну общую операцію поставки провіянта въ расходные магазины. Затѣмъ провіянтъ, находившійся еще въ пространствѣ по первому обязательству, записывался на приходъ, по второму выписывался въ расходъ, выдавались квитанціи и по нимъ остальныя деньги; освобождались залоги; первая операція полагалась конченною, не имѣвъ начала, и контрагентъ, съ казенными денежками, могъ бы сократиться безъ остатка. Но въ виду длиннаго ряда подобныхъ операцій въ будущемъ и легчайшей возможности устроить

дѣло и въ настоящемъ полюбовно, предпочитая быть честнымъ, онъ стремился на-вѣрняка въ фортъ № 1 й, покупалъ готовый уже отъ прошлыхъ лѣтъ провіянтъ у смотрителя магазина, съ приличною надбавкою противъ существовавшихъ цѣнъ на мѣстѣ; провіянтъ записывался на приходъ; выдавалась квитанція и дѣло оказывалось въ шляпѣ, безъ сучка и задоринки, потому что въ дѣйствительности не къ чему и—самое главное—некому было придраться: коменданту и воинской комисіи какъ-то не подъ-стать было изъ за пустяковъ бить тревогу, а войскамъ такая продѣлка оказывалась на-руку: они, ничѣмъ не рискуя, только выигрывали, провіянтъ, съ своей стороны, сдавали въ казну подъ видомъ экономіи, получали деньги, за вычетомъ $32^1/_2$ копѣекъ изъ заготовительной цѣны, плюсъ 6—7 р. 50 к. перевозка; за 5 руб. 25 коп. четверть пріобрѣтали свѣжій провіянтъ, а отъ 4 руб. 25 коп. до 5 руб. 75 коп. оставались еще на другія потребности. Словомъ, и волки были сыты, и овцы цѣлы, кромѣ одной, самой главной, съ которою никогда не церемонились. Со введеніемъ военно-окружной системы, уничтожившей многія злоупотребленія по хозяйственной части войскъ, такіе и подобные имъ обороты сдѣлались немыслимы; тѣмъ не менѣе они ясно свидѣтельствуютъ о возможности, въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ государства, устроить довольствіе войскъ, съ пользою для ихъ желудковъ и съ выгодой для казны, при пособіи непосредственной наличной покупки.

Что касается церквей, то бывшая Туркестанская, теперь Сыръ-Дарьинская область, блеститъ еще пока одинаково-совершеннымъ ихъ отсутствіемъ, хотя въ средствахъ къ устраненію такого важнаго неудобства для насъ въ чужомъ краѣ и не было недостатка. Преданіе гласитъ, будто бы давно уже какой—то благочестивый купецъ пожертвовалъ до 80,000 рублей на устройство храмовъ Господнихъ, собственно въ фортахъ сыръ-дарьинской линіи; неизвѣстно только что съ этой суммой приключилось. Купецъ же, истомившійся долгимъ ожиданіемъ осуществленія завѣтной мечты своей, отправился къ предкамъ, а на любопытство наслѣдниковъ полученъ отзывъ, что для разъясненія вопроса о пожертвованномъ капиталѣ возбуждена съ кѣмъ слѣдуетъ переписка.... Но кто же не знаетъ, что техническій терминъ «возбудить переписку» значитъ, въ сущности, усыпить дѣло, пока наконецъ, въ безотрадномъ своемъ странствованіи, не замретъ оно само собою окончательно. Я слышалъ, впрочемъ, изъ вѣрнаго источника, что часть этого капитала въ матеріялахъ находится въ фортѣ Перовскомъ, а наличныя деньги до 21,000 руб.

хранятся въ вѣдѣніи инженернаго управленія Туркестанскаго военнаго округа. За что купилъ, за то и продалъ (*).

Въ гостиницѣ Мякинькова только четыре или пять нумеровъ, и всѣ заняты, а потому мнѣ пришлось искать пріюта заведеннымъ порядкомъ чрезъ полицію. Полицейскій казакъ долго водилъ меня изъ-закоулка въ закоулокъ, соображалъ и принюхивался ко многимъ попадавшимся подъ руку лачужкамъ; наконецъ, остановившись на одной, по его словамъ, очередной, всучилъ меня насильно хозяевамъ и скоропостижно скрылся во мракѣ.

Въ крошечной комнаткѣ, отведенной мнѣ для ночлега, я нашелъ населеніе ровно изъ десяти душъ: четверо взрослыхъ и шесть подростковъ, спавшихъ на полу въ повалку, а мухъ, которыя не переводятся здѣсь и зимою, и таракановъ—видимо невидимо. Кое-какъ вставили въ свободное пространство мою походную кровать, и я легъ; но заснуть не было физической возможности: атмосфера до такой степени была пресыщена всякою скверностію, что я буквально изъ силъ выбился, пока всѣ мои мучители встали, начали выходить и входить и воздухъ нѣсколько освѣжился. За то я и честилъ ихъ мысленно на всѣ самые употребительные въ порядочномъ обществѣ манеры.

Утромъ, часовъ въ девять, всталъ, и только принялся за чай—слышу выстрѣлъ, другой, третій, еще и еще... Посмотрѣлъ въ окно: толпы ликующаго народа въ праздничныхъ нарядахъ... Что такое? Вошелъ хозяинъ.

— Что это за выстрѣлы?

— «Какъ же! сегодня Михайлинъ день, комендантъ мениникъ», и казакъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, что я не знаю такого замѣчательнаго событія.

Напоминаніе о 8-мъ числѣ ноября объясняло само собою и причину выстрѣловъ, но невѣдѣніе казака подстрекнуло меня продолжить съ нимъ разговоръ.

— Да стрѣляютъ-то зачѣмъ?

— Такъ слѣдуетъ, въ его менины завсегды палятъ изъ пушекъ.

— Я думаю, ты, любезнѣйшій, ошибаешься: пальба эта, вѣроятно, въ честь царственнаго шефа артилеріи, а не коменданта—а?

Казакъ молчалъ.

— Ну, а народъ куда же спѣшитъ?

(*) Изъ этого матеріяла воздвигнута прошлымъ лѣтомъ въ Перовскомъ временная, небольшая, но, по числу населенія, довольно помѣстительная церковь.

Замѣч. авт.

— Туды же, къ его дому.

— Что же народу за радость, что комендантъ именинникъ?

— Кака радость! а вѣстимо начальникъ...

— Чтожь-что начальникъ! развѣ народъ приглашенъ на именины?

— Приглашенъ (казакъ улыбнулся), не приглашенъ, а такъ, значитъ, посмотрѣть... Тамъ господа у него собрались.

— И что же эти господа тамъ дѣлаютъ?

— Извѣстно что: ѣдятъ и пьютъ; со двора-то невидно.

— Ну, а народъ-то что дѣлаетъ?

— Обнаковенно, народъ стоитъ, да глазѣетъ.

— Только и всего?

— Да чего же еще! ему больше и ненадоть.

Очень весело и совсѣмъ неразорительно! Самъ нѣмецъ не выдумаетъ ничего дешевле такого народнаго спектакля. Но этимъ удивленіемъ мнѣ еще не суждено было ограничиться. Въ продолженіе разговора моего съ хозяиномъ, я и не замѣтилъ, что жадность къ зрѣлищамъ мѣстныхъ обывателей обратила и меня самого въ именинника (хотя и безъ стрѣльбы): вошли сначала нѣсколько бабъ, старыхъ и молодыхъ, иныя съ дѣтьми на рукахъ или за руку, потомъ еще столько же, да еще полстолько, да еще одна толстѣйшая бабень, заткнувшая, словно распаренная пробка, остальное пространство. Просто негдѣ повернуться... Я сижу за столомъ, какъ за барикадой, прижавшись къ углу, а онѣ стоятъ въ плотную кругомъ, на меня смотрятъ въ упоръ, какъ на чудо морское, да и баста! Пробовалъ вылѣзать изъ этихъ тисковъ и снова влѣзать—не помогаетъ; перестраивалъ свою физіономію на всѣ извѣстные грозные лады — никого не пугаетъ; выгнать всѣхъ сразу—не хватило духу; терпѣть дольше наглое любопытство—не было мочи... Послалъ за лошадьми и радъ былъ радешенекъ, когда удалось избавиться отъ такого варварскаго насилія. Что за дикое и ненасытное это бабье! какъ будто имъ мало было комендатскихъ именинъ, чтобы еще въ тотъ же день пожирать своими буркалами ни въ чемъ неповиннаго проѣзжаго!

Отъ форта № 1–й или Казалинска вплоть до Ташкента, кромѣ немногихъ населенныхъ пунктовъ, станціи помѣщаются въ кибиткахъ, но за то дорога, 750 верстъ, почти до самаго Туркестана идетъ по берегу Сыръ-Дарьи, изъ которой можно пользоваться постоянно хорошею и здоровою водою, вдоволь тростника для топлива, и, кромѣ того, на каждой станціи есть казакъ, въ качествѣ смо-

трителя, знающій туземный языкъ и обязанный служить переводчикомъ; а это удобство не послѣднее.

Дорога нѣсколько сноснѣе, но лошади до такой степени изнурены безпрерывной гоньбой и особенно діетой, что рѣшительно болтаютъ ногами только по непривычкѣ держать ихъ въ спокойномъ положеніи.

Станціи длиннѣйшія; попадаются еще довольно часто глубокіе пески; лошади безпрестанно останавливаются; столбовъ нѣтъ; часы при такой ѣздѣ ничего не помогаютъ; тоска невыносимая. «Ничà шахрымъ (*)?» спрашиваю я чуть-ли не десятый разъ на одной станціи, особенно допекавшей меня своею безсовѣстною тягучестью. По маршруту значилось всего 27 верстъ, а я былъ въ дорогѣ уже слишкомъ четыре часа.

— «Бешъ шахрымъ», отвѣчалъ безъ запинки мой возница: «бешъ!» (пять) и выставилъ для большей наглядности всю пятерню.

Пять верстъ, думаю себѣ, далеко, но часъ времени, куда ни шло. Прошелъ однако же часъ, ничего не видать; жду еще полчаса, снова къ возницѣ: «ничà шахрымъ?» «Учь шахрымъ, учь» (три), и показалъ три пальца.

Ахъ, чортъ побери! Значитъ, въ полтора часа только двѣ версты уѣхалъ. Еще терплю слишкомъ часъ, опять лѣзу къ возницѣ и получаю отвѣтъ: «ярымъ шахрымъ, ярымъ», и при этомъ онъ отмѣрилъ только полпальца. Ну, слава Богу! недалеко! напрягаю зрѣніе, всматриваюсь въ даль, ищу по сторонамъ: голь версты на три кругомъ, ни малѣйшаго признака кибитки; жду, можетъ быть, она притаилась гдѣ нибудь въ лощинѣ или ужь навѣрное за тѣмъ пригоркомъ... Ничего ни бывало! проѣхали нѣсколько пригорковъ, нѣтъ какъ нѣтъ станціи. Что за оказія! Опять къ возницѣ за справкой: «Нича шахрымъ? Чортъ бы тебя взялъ!»

— «Джохъ шахрымъ! джохъ, кончалъ, кончалъ», скороговоркой отвѣчаетъ онъ съ самодовольною улыбкой и дѣлаетъ пальцами знаки: дескать ничего не осталось, все проѣхали.

— «Ахъ ты каналья! какъ кончалъ? гдѣ же станція?» Молчитъ. «Эй, ямщикъ, гдѣ же станція?»

— «Моя не знаитъ русска бельмесъ...»

(*) На киргизскомъ языкѣ нѣтъ слова прямо соотвѣтствующаго нашему „верста“. У киргизовъ свое измѣреніе разстояній голосомъ, на сколько его хватитъ, а глотки у нихъ широчайшія, голоса пронзительные. Иной какъ дернетъ ау! такъ версты за 3—4 слышно. Это-то разстояніе довольно неопредѣленное и называется „шахрымъ“; но ямщики привыкли уже къ вопросамъ проѣзжающихъ и отвѣчаютъ на нихъ болѣе или менѣе приблизительно вѣрно.

Ничего не подѣлаешь! Послѣ этого «кончалъ» я отлупилъ еще, по крайней мѣрѣ, верстъ пять, пока добрался до станціи.

Въ фортѣ № 2-й судьба, наконецъ, сжалилась надъ моимъ одиночествомъ и подарила меня сразу двумя попутчиками до Ташкента: докторомъ Иностранцевымъ и капитаномъ туркестанскаго линейнаго баталіона А., перешедшимъ изъ гвардіи съ единственною цѣлью, во славу русскаго оружія, пролить нѣкоторымъ образомъ кровь самого бухарскаго эмира и украситься за это орденомъ.

Назвавъ фамилію доктора, мнѣ невозможно удержаться, чтобы не разсказать курьезнаго случая, которому она послужила поводомъ, при представленіи его одному изъ начальниковъ. Смѣю надѣяться, что докторъ за это на меня не разсердится.

— Какъ ваша фамилія? спросилъ его начальникъ.

— Докторъ Иностранцевъ, ваше ....ство.

— Вы братъ того, что въ Москвѣ, Иноземцева?

Докторъ, огорошенный такимъ вопросомъ, молчалъ.

— Слышите ли? я васъ спрашиваю: вы братъ того Иноземцева, который въ Москвѣ? повторилъ сердито начальникъ.

— То Иноземцевъ, ваше ....ство, а я Иностранцевъ, доложилъ докторъ смиренно.

— Ну да! развѣ не все равно, что Иностранцевъ, что Иноземцевъ?

Докторъ, разумѣется, заблагоразсудилъ не противорѣчить такому остроумному предположенію.

У форта № 2-й намъ предстояло переправиться на баркасѣ черезъ Сыръ-Дарью и продолжать путь по лѣвому берегу рѣки до переправы снова на правый берегъ, верстъ десять не доѣзжая форта Перовскій. Весь этотъ промежутокъ той же рѣки носитъ названіе Джаманъ-Дарья (дурная-Дарья), за то, вѣроятно, что по теченію своему выше Перовскаго, выдѣливъ черезъ-чуръ щедро часть водъ: влѣво, безвозвратно, въ Яны-Дарью и Кувакъ-Дарью, и вправо, заимообразно, въ Кара-Гузякъ, который, оросивъ верстъ полтораста, возвращаетъ заемъ только верстъ десять ниже форта № 2, сама дательница въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на этомъ пространствѣ, буквально еле-дышетъ и мелководіемъ затрудняетъ полезную для государства дѣятельность аральской флотиліи.

Мои попутчики уже двое сутокъ пробыли въ фортѣ, въ ожиданіи лошадей, а теперь намъ пришлось общими силами выждать еще нѣсколько часовъ, пока стихнетъ вѣтеръ и дастъ возможность перепра-

виться черезъ Сыръ-Дарью, безъ риска сѣсть гдѣ нибудь на мель, что было бы очень не кстати, особенно ночью.

Комендантъ форта, маіоръ К., прикрѣпленный уже лѣтъ десять къ этому вожделѣнному чину и получившій какъ разъ въ день моего пріѣзда радостное извѣстіе о награжденіи его орденомъ св. Анны 3-й степени, человѣкъ добрый, обремененный многочисленнымъ семействомъ, и чрезвычайный хлѣбосолъ. Онъ никогда не пропуститъ случая угостить проѣзжихъ, между прочимъ, и свѣжей икрой, собственно, какъ онъ выражается, «для статистическаго дознанія».

Мы застали маіора въ полномъ разгарѣ его умственной и физической дѣятельности и не могли не сочуствовать его затруднительному положенію: въ борьбѣ съ однимъ врагомъ, сильнѣйшимъ тифомъ, свирѣпствовавшимъ всю осень въ укрѣпленіи, и притомъ безъ пособія медика, спившагося до того, что не въ чѣмъ было показаться на свѣтъ Божій. Маіоръ долженъ былъ готовиться еще къ борьбѣ съ другимъ врагомъ, не менѣе страшнымъ: разбойничьей шайкой Садыка, о приближеніи и замыслахъ котораго уже давно носились самые возмутительные слухи.

Правда, слухи были преувеличены, а впослѣдствіи и вовсе не оправдались на дѣлѣ; но при одномъ взводѣ солдатъ, при двухъ, кажется, орудіяхъ безъ лафетовъ, сотнѣ больныхъ на рукахъ и 300 безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чинахъ безъ оружія, не говоря уже о собственномъ семействѣ, я желалъ бы знать того героя, который, на мѣстѣ коменданта, остался бы къ такимъ слухамъ равнодушнымъ.

Попутчики мои (да благо имъ будетъ и долголѣтни они будутъ на землѣ!), по свойственному имъ великодушію, тотчасъ же предложили коменданту услуги, каждый по роду своей спеціяльности: докторъ осмотрѣлъ лазаретъ, больныхъ, прописалъ нѣкоторые рецепты и далъ общее наставленіе, а капитанъ сообщилъ свои замѣчанія на счетъ приготовленія форта къ оборонѣ, вооруженія безсрочно-отпускныхъ, за неимѣніемъ другаго оружія, косами, объяснилъ самовѣрнѣйшій способъ пораженія непріятеля и проч., что относилось до военнаго искуства. Словомъ, они подкрѣпили энергію и поддержали воинственность коменданта всѣмъ чѣмъ могли. Кто знаетъ, можетъ быть, свѣдѣніе объ этомъ и напугало Садыка, измѣнившаго первоначальные свои планы.

Несмотря на рѣку и небольшой лѣсъ, два необходимыя условія для оживленія мѣстности, фортъ № 2-й, по внѣшнему виду, представляетъ самую тоскливую, вопіющую картину, которая совершенно соотвѣтствуетъ ея внутреннему содержанію: глушь, даль, отсутствіе

свѣжихъ, здоровыхъ людей, ничего общаго съ цѣлымъ міромъ, ровно ничего для жизни самой неприхотливой. Чтобы рѣшиться закабалить себя въ такую трущобу, нужно полное самоотверженіе, которое могутъ внушить только или нужда безъисходная, или непримиримое остервенѣніе противу всего человѣческаго рода.

Напившись чаю и поужинавъ у коменданта, мы, въ полночь, простились съ гостепріимными хозяевами и, пользуясь затишьемъ, отправились прямо на переправу, гдѣ насъ ожидали уже наши тарантасы и причаленный къ берегу баркасъ.

Нагрузка экипажей, переправа, выгрузка и запряжка лошадей, заняли довольно долгое время, но совершились безъ особенныхъ препятствій. Затѣмъ мои поджарыя, пользуясь отсутствіемъ ближайшаго начальства, вздумали было улизнуть одни безъ меня и возницы; но, къ счастію, на близкомъ разстояніи, запутались неожиданно въ колючкѣ и со срамомъ были возвращены вспять, послѣ чего, благословясь, мы усѣлись по мѣстамъ и тронулись помаленьку въ дальнѣйшій путь.

Ночь прошла благополучно; потомъ и день сбыли безъ значительныхъ приключеній. Компаньоны мои были люди именно на столько веселые, чтобы быть пріятными и успокоительно дѣйствовать на раздраженные нервы. Погода стояла сносная, дорога недурная, по пути попадалось очень много разной дичи: куропатокъ, фазановъ, курочекъ и т. п. Мы тотчасъ же взывали къ доктору, обладавшему двухстволь-нымъ ружьемъ; онъ выходилъ изъ тарантаса, подкрадывался и нѣсколько разъ даже прицѣливался; но, предупрежденная уже стукомъ экипажей, дичь всегда заблаговременно улепетывала отъ вѣрной смерти, и дѣло постоянно обходилось безъ убійства, хотя и безъ матеріяльнаго документа въ искуствѣ доктора, какъ охотника.

На другой день утромъ мы доставились въ фортъ Перовскій (Акъ-Мечеть), знаменитый тѣмъ, что въ слѣдующую же зиму по занятіи его нашими войсками, коканцы, желая завладѣть имъ обратно, явились неожиданно въ числѣ 15,000 человѣкъ при 10 орудіяхъ, затѣяли жаркое дѣло съ высланнымъ имъ навстрѣчу отрядомъ въ 500 казаковъ; но появленіе коменданта въ парадной формѣ, который имъ почудился чѣмъ-то въ родѣ значительнаго подкрѣпленія, охватило ихъ такимъ паническимъ страхомъ, что они также неожиданно, и съ примѣрнымъ единодушіемъ, обратились въ бѣгство, оставивъ за собою самыя пріятныя воспоминанія о таковой одержанной нами викторіи.

Въ Перовскомъ мы остановились во вновь открытой гостиницѣ

г-жи Кузнецовой, гдѣ намъ сообщили, что, по причинѣ крайняго изнуренія на дальнѣйшихъ станціяхъ лошадей, комендантъ получилъ предписаніе отправлять проѣзжающихъ по обыкновеннымъ подорожнымъ, до самаго Ташкента, на вольнонаемныхъ верблюдахъ.

Извѣстіе это само собою нѣсколько насъ покоробило, но, въ виду очень порядочнаго и дешеваго (по 50 коп. въ сутки) помѣщенія и обѣщаннаго намъ сытнаго обѣда, мы рѣшились выждать при такихъ условіяхъ лучше въ Перовскомъ, чѣмъ застрять гдѣ нибудь на станціи, хотя, для очищенія совѣсти, все-таки предприняли наступательное движеніе на коменданта—я съ курьерской подорожною, а докторъ съ предписаніемъ спѣшить по крайнему недостатку въ медикахъ—и такъ удачно, что волею-неволею комендантъ долженъ былъ уступить и сдѣлать немедленно распоряженіе, чтобы слѣдующимъ утромъ все было готово къ нашему отправленію.

Выигравъ такимъ образомъ сраженіе и отдохнувъ на лаврахъ, какъ слѣдуетъ прекраснымъ людямъ: мы очень недурно пообѣдали, потомъ поужинали, на дорогу заказали себѣ два пирога и штукъ десять жареныхъ фазановъ, на другое устро закусили, и все это съ ночлегомъ обошлось намъ, кажется, 4 р. 75 к.—умѣренность баснословная и совершенно неподходящая подъ общій характеръ торговли и промышленности, развивающихся въ краѣ на самыхъ кровожадныхъ началахъ.

Въ Перовскомъ мы могли бы приправить наше общество очень пикантнымъ гарниромъ изъ двухъ попутчицъ, взятыхъ какимъ–то тираномъ съ родной почвы въ запасъ и брошенныхъ немилосердно въ гостиницѣ; но мнѣ, какъ женатому и извѣстному своимъ похвальнымъ поведеніемъ, это было какъ–то не съ руки, а у спутниковъ моихъ тарантасъ былъ двухмѣстный, и потому мы предоставили христіанскую обязанность пристроить и пригрѣть эти «коварныя, но сердцу милыя созданія», другимъ, болѣе свободнымъ цѣнителямъ изящнаго искуства.

Утромъ привели намъ пять лошадей и трехъ верблюдовъ. Хотя это не совсѣмъ согласовалось съ нашими ожиданіями, но пришлось принять и такое даяніе съ благодарностію, такъ какъ самовѣрнѣйшая справка насъ убѣдила, что изъ всей лошадиной богадѣльни на станціи, только число предъявленныхъ колѣкъ и обнаружило нелицемѣрные признаки жизни и рѣшительное упорство болтать ногами до послѣдняго издыханія.

Въ такомъ критическомъ положеніи намъ оставалось одно: прибѣгнуть къ правиламъ единства кассы, т. е. изъ всѣхъ, асигнован-

ныхъ авансомъ въ наше распоряженіе неоднородныхъ животныхъ составить одинъ общій капиталъ, и сначала, для пробы, запречь по каждому параграфу отдѣльно лошадей въ одинъ тарантасъ, а верблюдовъ въ другой, а потомъ уже, смотря по надобности, переводить ихъ изъ статьи въ статью, въ крайности даже изъ параграфа въ параграфъ, съ однимъ лишь расчетомъ, чтобы не выйдти изъ бюджета и, во что бы ни стало, избѣжать необходимости въ сверхсмѣтномъ кредитѣ. Выдумка эта, очень остроумная для нашего возраста, удалась какъ нельзя лучше. Правда, намъ приходилось вдаваться безпрестанно въ сложные расчеты и разныя финансовыя комбинаціи, то складывая, выкладывая и перекладывая, то одновременно затрачивая весь капиталъ сразу въ одинъ тарантасъ, для выволочки каждаго порознь изъ тисковъ нерѣдкаго кризиса, но къ концу концовъ мы все-таки обошлись смѣтными средствами, а въ этомъ то и состояла штука, которую требовалось доказать.

На второй станціи отъ Перовскаго мы съѣхались съ двумя попутчиками въ Ташкентъ, тотчасъ же познакомились, разговорились и, съ общаго согласія, рѣшили пить здѣсь чай, такъ какъ было уже довольно поздно и мы всѣ порядочно проголодались. Новые наши знакомцы, положимъ Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ, откровенно насъ предупредили, что они до крайности боятся тигровъ, не потому, чтобы тамъ смерть или что другое.... напротивъ, они такъ храбры, что смерть для нихъ ни почемъ, хоть сейчасъ: иначе они не поѣхали бы въ такую непріязненную сторону—а такъ, знаете, какъ-то страшно было Ивану Ивановичу вообразить въ объятіяхъ тигра Ивана Никифоровича, и наоборотъ, Иванъ Никифоровичъ приходилъ въ ужасъ отъ одной мысли о такомъ же положеніи Ивана Ивановича. Мы, разумѣется, старались разсѣять нелѣпые страхи и, казалось, расположили своихъ новыхъ спутниковъ чувствовать другъ друга въ большей безопасности. Они повеселѣли, даже расхрабрились до такой степени, что хоть сейчасъ въ схватку съ любымъ звѣремъ. Запылалъ по серединѣ юрты роскошный огонь, согрѣли чайникъ, заготовили чай, разложили инструменты для закуски; оставалось только собраться честной компаніи и приступить къ работѣ. Между тѣмъ, юрта наполнилась киргизами: кто стоялъ и повсемѣстно почесывался; остальные сидѣли на корточкахъ вокругъ огня, снимали сапоги, выворачивали ноги изъ тряпокъ и безъ церемоніи тѣ и другія согрѣвали и просушивали, изловчаясь только, чтобы не зацѣпить ими кое-чего изъ нашей закуски. Вообще зрѣлище было не изъ самыхъ апетитныхъ. Но дѣлать нечего: мы терпимъ и ожидаемъ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича,

которые вышли за чѣмъ–то изъ кибитки и какъ нарочно не являются. Посылаемъ справиться: говорятъ, что они заключились въ тарантасѣ и приказали доложить, что ничего не желаютъ. Что за притча! Идемъ самолично, взываемъ къ нимъ гласомъ велiимъ, и получаемъ въ отвѣтъ: не подходите, Бога ради, а то будемъ стрѣлять.

— Какъ стрѣлять, въ кого и за что?

Бросаемся на приступъ, вскрываемъ насильно тарантасъ и застаемъ, что они лежатъ въ правильномъ каре, одинъ лицомъ въ одну сторону, другой въ другую съ револьверами на изготовкѣ, а у Ивана Никифоровича, кромѣ того, для пущей угрозы еще подъ мышкой и ружье.... Все какъ слѣдуетъ для отчаянной защиты.

— Что съ вами, господа?

— Какъ, что съ нами? а тигры, развѣ вамъ не дали знать? уходите, пожалуйста, покуда цѣлы, а то мы всѣ погибнемъ!

— Помилуйте! какiе тигры, откуда вы взяли?

— Самъ казакъ видѣлъ, какъ они переправлялись на эту сторону черезъ рѣку....

— Богъ съ вами! зачѣмъ они сюда заберутся, чего они здѣсь не видали? перестаньте шутить и вылѣзайте, а то вы всѣхъ насмѣшите.

— Нѣтъ, позвольте! говоритъ Иванъ Ивановичъ, не трогаясь съ выгодной позиціи: надо прежде хорошенько справиться. А, вотъ казакъ! Послушай, любезнѣйшій, вѣдь ты говорилъ, что тигры переправляются черезъ рѣку?

— Это точно, что, межь себя, мы толковали, чуемъ, что въ водѣ кто-то барахтается. Должно быть тигры, говоримъ, кому же другому плыть въ такую пору черезъ рѣчку—только и всего....

— Да случалось ли, чтобы тигры приходили когда нибудь на станцію? спрашиваю я казака.

— Нѣтъ, Богъ миловалъ, на станцію не приходили, а такъ, въ сторонѣ, лошадей и верблюдовъ, почитай что ни день, рѣжутъ. Ихъ должно быть тутъ много....

— Вотъ видите-ли! говорятъ ободренные Пиладъ и Орестъ, хватаясь за эту поддержку: что же мудренаго, если бы тигры бросились на станцію!... Это легко можетъ случиться; надо быть всегда осторожнымъ.

— Совершенно логично! Но въ виду опасности слѣдовало прежде сдѣлать рекогносцировку, узнать силы и намѣренія непріятеля, потомъ собрать военный совѣтъ и обсудить наше положеніе, а

не обрекать себя преждевременно на голодную смерть, какъ вы сдѣлали.

— Это все Иванъ Ивановичъ меня взбудоражилъ.

— Э, нѣтъ, братъ, постой! Кто первый очутился въ тарантасѣ и кричалъ: запирай кругомъ? вопросилъ Иванъ Никифоровичъ.

— Да я полѣзъ въ тарантасъ за закуской, а какъ увидѣлъ что ты влетѣлъ словно бомба, съ крикомъ «тигры!» схватилъ револьверъ и залѣзъ за стѣну крѣпости, я подумалъ, что непріятель преслѣдуетъ тебя по пятамъ, и потому, съ присутствіемъ духа, которымъ я обыкновенно отличаюсь въ минуты опасности, пристроился къ тебѣ для обороны крѣпости съ другаго фаса и, само собою, скомандовалъ: «запирай ворота!»

— Но ты гораздо поступилъ бы осторожнѣе, если бы не отличался такимъ присутствіемъ духа въ минуты опасности, а то я чуть было не задохся въ тарантасѣ, замѣтилъ храбро Иванъ Ивановичъ.

Насмѣявшись вдоволь надъ фальшивой тревогой, мы отправились дальше, и къ вечеру на другой день, бросивъ впрочемъ на дорогѣ нашихъ друзей, прибыли въ Джулекъ, единственный фортъ на всемъ пространствѣ сыръ-дарьинской линіи, производящій на русскаго человѣка, какъ издали, такъ и вблизи, пріятное впечатлѣніе зеленымъ шпицомъ часовни, построенной изъ жженаго кирпича и очень оживляющей собою наружный видъ крошечнаго укрѣпленія.

Въ декабрѣ 1866 года, на возвратномъ пути изъ Ташкента, я встрѣтилъ въ Джулекѣ ѣхавшее туда семейство бѣднаго чиновника, въ составѣ, кажется, семи душъ, въ числѣ которыхъ было только двѣ мужскихъ. Они въ апрѣлѣ мѣсяцѣ выѣхали изъ Оренбурга и въ двѣ трети года сдѣлали едва три четверти пути!... Можно себѣ представить чего они натерпѣлись за это время въ дорогѣ: то лошадей не даютъ по нѣскольку сутокъ, по причинѣ большаго разгона или въ ожиданіи того или другаго начальника; то тарантасъ сломается— некому починить; то провизію украдутъ — нечего ѣсть; то мѣшокъ съ обувью пропадетъ — нечего надѣть. Я засталъ ихъ всѣхъ въ валенкахъ, которыми они раздобылись уже, по случаю, чуть-ли не въ Джулекѣ. Словомъ, разсказъ былъ полонъ разнообразнѣйшихъ непріятностей и лишеній, способный убить сразу самое пристрастное расположеніе къ степнымъ путешествіямъ. По независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ, я пробылъ тогда въ Джулекѣ двое сутокъ и оставилъ этихъ бѣдняковъ еще въ глубокомъ невѣдѣніи, когда они тронутся.

Кромѣ того, Джулекъ запечатлѣлся тогда же въ моей памяти и

по другому курьезу. Я ѣхалъ въ обществѣ трехъ моихъ сослуживцевъ. Въ Ташкентѣ, само собою, мы не могли запастись на всю дорогу чѣмъ нужно для поддержанія нашего драгоцѣннаго существованія, расчитывая пополнить пробѣлы, гдѣ случится, дорогою. Въ Джулекѣ явился къ намъ писарь военнаго вѣдомства, съ великодушнымъ, какъ казалось, предложеніемъ, кормить насъ и поить все время и снабдить чѣмъ потребуется въ путь. Предложеніе было принято нами съ неподдѣльнымъ удовольствіемъ. Обѣдъ, подготовленный какъ разъ къ ужину, состоялъ изъ щей, гречневой каши и жаркаго; на другой день тоже, только нѣсколько ранѣе; передъ выѣздомъ на закуску яичница; кромѣ того, у него же взято въ запасъ три бутылки водки и двѣ бутылки горчайшей наливки и что-то зажаренное на дорогу. А когда пришлось дѣло до расплаты, писарь предъявилъ намъ счетъ на 41 р. 50 к. безъ торгу!... Какъ мы ни бились съ этимъ варваромъ, чтобы возвратить его къ благоразумной умѣренности и вообще къ сантиментамъ болѣе приличнымъ, онъ упорно стоялъ на своемъ: все или ничего! и настоялъ. Съ неудовольствіемъ и съ разными эпитетами, мастерски направленными въ самую суть его чернильнаго самолюбія, мы должны были однако преподнесть ему требуемую сумму до копѣйки, потому что заранѣе не сторговались. Самая простая, кажется, ловушка, а какъ часто приходится освѣжать въ ней горькіе опыты, пріобрѣтенные въ жизни! При всемъ томъ, нельзя не удивляться, что злостные спекуляторы, подобные этому скрибѣ, не обуздываются контролемъ мѣстной власти, разрѣшившей ему торговать и, слѣдовательно, обязаны блюсти, чтобы торговля эта не обратилась въ денной грабежъ, когда она компрометируетъ уже и самое разрѣшеніе.

На этотъ разъ, однако, мы избѣжали такого опустошительнаго вторженія въ наши карманы и обошлись собственными средствами, хотя должны были ночевать въ Джулекѣ по неимѣнію лошадей и выѣхали на другой день только около одиннадцати часовъ утра.

Промежутокъ отъ Джулека до Туркестана, въ 250 верстъ, тянется нѣсколько станцій тѣмъ же саксауломъ, что-то въ родѣ нашей черемхи; потомъ понемногу мѣстность начинаетъ пустѣть, обнажаться и, наконецъ, совершенно голая пустыня снова охватываетъ путника прозой своей неоглядности, и снова приходится витать въ порожнемъ пространствѣ, безъ увѣренности, двигаешься ли впередъ, или только кружишься на мѣстѣ. Станціи на этомъ промежуткѣ весною и осенью еще тягучѣе по случаю длинныхъ, иногда по нѣсколько верстъ, объѣздовъ обширныхъ солончаковъ, которые то и

дѣло заграждаютъ прямой путь. Одну станцію, въ 17 верстъ по маршруту, я ѣхалъ битыхъ *восемь* часовъ хорошею рысью и по совершенно ровной и гладкой дорогѣ; думалъ не сбились ли съ пути, можетъ быть кружили, но ямщикъ утверждалъ, что ѣхали какъ слѣдуетъ, а станціонный казакъ отозвался, что «это ужь такая анаѳемская станція». Къ счастію еще нашему, что не было продолжительныхъ дождей, и потому хотя и далекіе объѣзды, но все-таки были возможны; въ другую же пору, если бы совсѣмъ распустились солончаки, мы не могли бы такъ дешево отдѣлаться. Станцію отъ Яны-Кургана, всего 28 верстъ, мы ѣхали въ 1866 году слишкомъ трое сутокъ; нѣсколько разъ вязли въ топи до безнадежности, извлекались оттуда неожиданною помощію проходившей команды солдатъ, перемѣнили лошадей на восемь верблюдовъ, потомъ, послѣдовательно, заморили три смѣны свѣжихъ верблюдовъ, и только, послѣ всѣхъ неизбѣжныхъ треволненій, стоившихъ намъ, сверхъ прогоновъ, 46 рублей, и благодаря живучести нашей натуры, хотя измученные и истерзанные, мы кое-какъ живьемъ, чуть-чуть не въ видѣ соломины, добрались до станціи. Мы благословляли небо, что такъ счастливо раздѣлались съ вѣрнѣйшею оказіею залежаться на мѣстѣ или продолжать путешествіе цу-фусъ, что каждому порядочному человѣку было бы одинаково огорчительно.

Подавались мы впередъ съ такимъ же благоразуміемъ, какимъ ознаменовали движеніе свое изъ Перовскаго, то на лошадяхъ, то на верблюдахъ, то перетасовавъ тѣхъ и другихъ какъ попало; по временамъ шли пѣшкомъ, чтобы хоть разнообразіемъ движенія размыкать нѣсколько одолѣвавшую насъ тоску, изрѣдка настигали по пути караваны, влачившіе въ Среднюю Азію завидныя преимущества европейской цивилизаціи: различные консервы, косметики, иностранные буасоны отъ Депре, Мамонтова, Елисѣева или просто ярославскаго происхожденія и проч. Попадались кое-гдѣ пѣшіе или конные киргизы, и тогда завязывался съ возницей, ожидавшимъ только этого случая, безконечный разговоръ, растравлявшій въ свидѣтелѣ, непонимающемъ языка, желчь и доводившій его до тошноты, особенно въ юртѣ, въ скучный промежутокъ ожиданія лошадей. Трудно себѣ представить на какую неутомимую гимнастику способны степные языки. Я спрашивалъ казака о чемъ это они безъ-умолку болтаютъ. «Да такъ, ваше ....скородіе, благо языкъ есть, все одно и то же: что твой отецъ, твоя мать, твой верблюдъ, пѣгая лошадь, твой баранъ или овца, а завтра спроситъ—опять то же и всегда то же, и такъ безъ конца, и оскомы не набьютъ проклятые!» Дорога мѣстами

песчаная и, съ послѣдней станціи, къ Туркестану круто поворотила въ сторону отъ Сыръ-Дарьи, оставшейся вправо; слѣва тянулся хребетъ Каратаускихъ горъ, единственный предметъ отъ самаго Джулека, на которомъ можно остановить утомленное зрѣніе: переходъ изъ стороны кочеваго раздолья номадовъ въ страну осѣдлаго населенія не внесъ ничего новаго въ картину окрестностей—все та же тишь, да гладь, да Божія благодать. Докторъ внимательно всматривался въ дикую мѣстность, удивляясь, что никѣмъ еще до сихъ поръ она не описана, и искалъ къ чему бы придраться, по своей спеціяльности, чтобы сдѣлать описаніе полезнымъ въ отношеніи научномъ. Хотя это далеко не то, что намъ нужно на первыхъ порахъ, чтобы освоиться съ недавними пріобрѣтеніями, упрочить и развить торговыя сношенія наши вообще съ Средней Азіей, однако, для почину лучше что нибудь, чѣмъ полное отсутствіе свѣдѣній о краѣ, съ которымъ мы завязали такое серьезное дѣло. Нелегко повѣрить, но совершенно справедливо, что даже въ ближайшихъ къ Россіи пунктахъ Сыръ-Дарьинской области мы не можемъ опредѣлить навѣрное границы нашихъ владѣній. Такъ, напримѣръ, проѣзжая слишкомъ стоверстное разстояніе отъ форта № 2–й, по лѣвому берегу Сыръ-Дарьи, мы не убѣждены у себя ли мы дома или въ гостяхъ, и до сихъ поръ, въ подражаніе какому-то хвастливому грузинскому князю, на вопросъ: гдѣ же предѣлы нашихъ владѣній?—должны отвѣчать: «видишь ли синѣется, ну, и за синѣется все наше!» Но объ этомъ когда нибудь послѣ. Я видѣлъ капитальный трудъ одного изъ членовъ бывшей комисіи для размежеванія киргизскихъ земель, А. К. Гейнса, который два года посвятилъ себя тщательному изученію Туркестанской области во всѣхъ отношеніяхъ; но пожелаетъ ли онъ подѣлиться своимъ трудомъ съ любознательной публикой, это еще вопросъ, хотя отъ такихъ талантливыхъ людей и грѣшно бы предполагать противное. Во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, намъ настоятельно нужно подробное описаніе страны, въ которую мы врѣзались, что называется, по уши, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше (*), несмотря на убѣжденія капитана, что изъ подобнаго описанія никто ничѣмъ не поживится.

— «Другое дѣло»—утверждалъ онъ—«если бы я вздумалъ составить описаніе этой степи отъ Оренбурга до Ташкента, оно было

(*) Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1868 года, поступили въ продажу, отдѣльнымъ и очень изящнымъ изданіемъ, путевыя замѣтки П. И. Пашино, подъ названіемъ „Туркестанскій край“. Жаль только, что по цѣнѣ (5 руб.) оно доступно очень немногимъ изъ интересующейся публики. *Замѣч. авт.*

бы коротко и ясно: въ такомъ-то мѣстѣ можно расположить лагеремъ дивизію или двѣ; въ другомъ удобно производить ученье ротное, полковое или дивизіонное; тамъ-то есть пригодное мѣсто для маневровъ и проч. Такое описаніе, по крайней мѣрѣ, прочтетъ всякій съ умиленіемъ и скажетъ: вотъ дѣльный человѣкъ—не выдумываетъ, а пишетъ прямо съ натуры».

— «Но для этого, казалось бы, не нужно описаній»—возразилъ докторъ—«стоитъ только послать топографа; онъ размежуетъ все пространство на плацы, сниметъ ихъ на бумагу и дѣло въ шляпѣ.

— «Э, нѣтъ, братъ! это все не то, когда мѣстность описана живымъ языкомъ человѣка, спеціяльно знакомаго съ дѣломъ, охватившаго все умомъ и глубоко прочувствовавшаго каждый шагъ душою и сердцемъ. Вотъ какъ было въ послѣднихъ книжкахъ «Русскаго Вѣстника» описаніе похода гвардейскаго сапернаго баталіона въ 1826 году изъ Петербурга въ Москву и обратно....»

— «Вонъ куда хватилъ, любезнѣйшій!»

— «За суть, любезнѣйшій, за суть, которая тебѣ и не вдомекъ по простодушеству.

Въ полдень, 12-го ноября, мы прибыли въ Туркестанъ (Азретъ), куда, въ извѣстное время года, стекаются правовѣрные для поклоненія праху какого-то чиновника, пользующагося, по общему повѣрью туземцевъ, особеннымъ кредитомъ у господина Магомеда.

Въ нашихъ лѣтописяхъ, Туркестанъ можетъ быть замѣчателенъ тѣмъ, во-первыхъ, по части политической, что онъ первоначально предполагался пунктомъ соединенія нашихъ границъ, со стороны Оренбурга, съ пунктомъ, избраннымъ въ Ауліэ-Ата, со стороны Западной Сибири, и что, взявъ, такимъ образомъ, Среднюю Азію за бока, мы провели отъ каждаго изъ этихъ пунктовъ прямыя линіи верстъ на сто впередъ до пункта пересѣченія ихъ въ Чимкентѣ, у туловища, и потомъ уже пошли анатомировать туловище прямымъ и правильнымъ путемъ до самаго сердца; во-вторыхъ, по финансовой части, что пріобрѣтеніе одного Туркестана стоило казнѣ почти столько же, во сколько обошлось занятіе всего края до Ташкента включительно, и что, при первоначальномъ введеніи въ области единства кассы, названіемъ своимъ онъ послужилъ поводомъ къ разъединенію учрежденной въ немъ расходной кассы съ распорядителемъ кредита, пребывавшимъ въ Ташкентѣ, гдѣ они совокупились уже впослѣдствіи.

Самъ по себѣ, этотъ городишко, совмѣщающій 3—4 тысячи сартовскаго населенія, лѣтомъ еще, когда сады одѣнутся зеленью, производитъ пріятное впечатлѣніе цвѣтущаго оазиса, среди совершенно

голыхъ окрестностей; но зимою это масса безобразныхъ глиняныхъ кучекъ, окруженныхъ глиняною же зубчатой стѣной, и больше ровно ничего, заслуживающаго вниманія. Въ настоящее время Туркестанъ причисленъ къ чимкентскому раіону и состоитъ подъ управленіемъ тамошняго уѣзднаго начальника.

Въ Туркестанѣ мы настигли господина, который ѣхалъ впереди насъ съ большимъ семействомъ, и, забирая всѣхъ лошадей на станціи, постоянно отъ форта № 2-й, если еще не прежде, тормозилъ намъ дорогу. Куда ни пріѣдемъ, говорятъ: «лошадей нѣтъ! всѣ пошли подъ генерала». Какой такой генералъ? всѣ они были на перечетъ и давно уже должны быть на мѣстѣ. Оказалось, что это былъ просто статскій совѣтникъ, еще не дѣйствительный; но сплошные серебряные погоны и голодная подчиненность ѣхавшаго съ нимъ канцелярскаго чиновника придали ему титулъ превосходительства. Такъ онъ и пошелъ за генерала до самаго Ташкента. Благодаря ему, мы и здѣсь прожили цѣлыя сутки, потому что лошадямъ было не подъ-силу въ этотъ промежутокъ сдѣлать больше одного оборота. На другой день пошелъ дождь и мелкій снѣгъ, и до такой степени растворилъ глинистую почву, что не было возможности иначе двигаться, какъ шагомъ. Отъ Туркестана до Ташкента съ небольшимъ 250 верстъ; но мы съ трудомъ ихъ одолѣли, переночевавъ въ Чимкентѣ, только въ четверо сутокъ.

На одной станціи, не доѣзжая Чимкента, совершенно неожиданно намъ представились двѣ физіономіи мужа и жены, олицетворявшія вышепомянутую голодную подчиненность. Они были и безъ того крайне огорчены, что, по недостатку лошадей, пришлось отстать отъ генерала и лишиться его высокаго покровительства, а нашъ наѣздъ встревожилъ ихъ окончательно. Способныхъ къ движенію оказалось на станціи всего только четыре тройки, и изъ нихъ мы брали десять лошадей, такъ какъ, по тщательному допросу, произведенному капитаномъ, обнаружено, что чиновникъ этотъ, собственно, только мѣтилъ въ чиновники, а въ дѣйствительности былъ не болѣе, какъ канцелярскій служитель изъ дворянъ, или статскій юнкеръ, какъ его назвалъ капитанъ.

Надобно было видѣть, какъ вломилась въ амбицію и расходилась вторая половина этого статскаго юнкера, когда ей объявили, что для нихъ остались только двѣ лошади, и то безъ ямщика.

— «Знать ничего не хочу! чтобы были три лошади и ямщикъ!» кричала она станціонному казаку: «я не поѣду на парѣ и не хочу оставаться; на все рѣшусь, умру, а не попущу насъ обижать».

Докторъ, испуганный такимъ азартомъ, обратился ко мнѣ за совѣтомъ: не уступить ли имъ одну лошадь, пусть бы себѣ ѣхали, а то какъ бы не случилось какого нибудь несчастія...

— «Помилосердуйте, докторъ! неужели вамъ еще не опротивѣло мыкаться въ дорогѣ, чтобы изъ-за каприза этой госпожи рисковать остаться гдѣ нибудь на полстанціи? Какого несчастія вы боитесь отъ того, что она прождетъ лишнихъ нѣсколько часовъ?»

— «Да вѣдь кто знаетъ, она говоритъ, что на все рѣшится»....

— «И прекрасно сдѣлаетъ! А что бы вы знали, на что именно она рѣшится, я вамъ разскажу случай. Одинъ господинъ, путешествуя верхомъ, остановился на ночлегъ въ постояломъ дворѣ; лошадь поставили въ конюшню, а сѣдло онъ внесъ въ комнату. На другой день ему докладываютъ, что лошадь украдена. Господинъ, само собою, раскричался на хозяина, посулилъ ему судомъ, показалъ въ перспективѣ Сибирь и каторжную работу и, въ заключеніе, сквозь слезы объявилъ, что если лошадь не найдется, то онъ посягнетъ на послѣднюю крайность, на которую, въ подобномъ же случаѣ, рѣшился бѣдный покойный его отецъ. Хозяинъ, внѣ себя отъ такихъ ужасовъ, бѣжитъ по околодку, кричитъ объ угрожающемъ несчастіи, пугаетъ встрѣчнаго и поперечнаго, и такъ удачно, что укравшій лошадь, изъ боязни, и въ самомъ дѣлѣ какого-нибудь черезъ-чуръ трогательнаго скандала, поторопился лично возвратить лошадь владѣльцу, какъ бы пойманную имъ на дорогѣ.... Въ награду за такую услугу, онъ просилъ его сказать: на какую именно крайность рѣшился бѣдный покойный его батюшка, когда у него украли лошадь?

— «Очень просто: онъ взялъ сѣдло на плечи и пошелъ пѣшкомъ», отвѣтилъ господинъ.

— «Гмъ,—такъ-съ,—чего же проще! промычалъ воръ, почесывая затылокъ».

— «Точно на такую же крайность рѣшится и эта госпожа», прибавилъ я: «запрягутъ имъ въ кибитку пару лошадей, мужъ сядетъ на козлы, возьметъ возжи и они преисправно себѣ поѣдутъ».

Такъ и случилось: мы вдоволь нахохотались надъ уморительной фигурой статскаго юнкера, воспріявшаго, наконецъ, бразды правленія надъ парою полудохленькихъ кляченокъ, и только однимъ часомъ раньше его пріѣхали въ Чимкентъ.

Было еще очень рано; но такъ какъ на станціи не оказалось лошадей, а къ верблюдамъ мы чувствовали непреодолимое отвращеніе, то и вынуждены были остаться въ Чимкентѣ ночевать.

Прошлый разъ, я пріѣхалъ въ Чимкентъ, 9-го декабря, еще ранѣе, почти въ полдень, и хотѣлъ немедленно же продолжать путь дальше. Явился станціонный содержатель, онъ же Макъ-Келанъ.

— Что надо?

— Турѝ ночь здѣсь будетъ, а то большой буранъ.

— Какой буранъ! погода превосходная, ни облачка на небѣ?

— Часъ не будитъ, болшой буранъ будитъ, башка пропалъ.

— Вздоръ, велите запрягать, мнѣ некогда ждать.

Содержатель станціи не понялъ бы меня, если бы я вздумалъ объяснять: что значитъ возвращаться изъ Ташкента.

Запрягли, и такъ какъ ничто видимое не оправдывало зловѣщихъ предсказаній, то я закрылся кругомъ въ тарантасѣ и поѣхалъ. Но торжеству Макъ-Келана недолго пришлось ждать. На второй или на третьей верстѣ заревѣли стихіи на всѣ отчаянные лады, а на четвертой мы буквально втюрились въ такой страшный хаосъ, что лошади, по инстинкту самохраненія, сами собою поворотили быстро налѣво кругомъ и, какъ шальныя, помчались восвояси.—«Стой, стой!» кричу я во всю мочь. Не тутъ-то было: никто даже не отозвался, пока не пріѣхали обратно на станцію. Какими судьбами въ такой бѣшеной скачкѣ мы всѣ остались цѣлы и невредимы, я рѣшительно не понимаю....

На другой день только, послѣ полудня, насъ выпустили изъ заключенія. Буранъ продолжался, по обыкновенію, ровно сутки.

Отъ Чимкента лошади были еще хуже, такъ что мы съ трудомъ поддерживали правила нашего товарищества только до третьей станціи въ Шарапъ–Ханѣ, гдѣ, наконецъ, единственныхъ четырехъ клячъ запрягли въ мой тарантасъ, и я долженъ былъ разстаться съ моими добрыми спутниками до радостнаго свиданья въ Ташкентѣ.

Три станціи кое-какъ перенесъ; берегъ былъ близко; оставалась одна только забота о тарантасѣ, которому, какъ я ожидалъ, предстояло тяжкое испытаніе при проѣздѣ по городскимъ улицамъ, спеціяльно приспособленнымъ для ломки экипажей. На этотъ разъ мнѣ суждено было пріятно ошибиться: городъ остался въ сторонѣ, а я проѣхалъ по совершенно ровной, вновь проложенной дорогѣ, къ тріумфальнымъ воротамъ, устроеннымъ для въѣзда туркестанскаго генералъ-губернатора, и потомъ въ самый центръ европейскаго квартала, въ которомъ тотчасъ же и пріютился, благодаря радушію и гостепріимству людей, сохранившихъ свою дружбу ко мнѣ еще съ перваго моего пріѣзда въ 1866 году.

V.

Прибывъ въ Ташкентъ 16-го ноября, я находился, значитъ, въ дорогѣ отъ Оренбурга 23 дня. Исключивъ изъ этого, по числу часовъ, проведенныхъ мною въ разныхъ мѣстахъ, пять сутокъ на остановки, которыя всѣ, однако же, зависѣли отъ средствъ и способовъ сообщенія, окажется, что въ дѣйствительности пространство въ 2,000 верстъ я проѣхалъ въ 18 сутокъ. Этотъ срокъ, при настоящемъ положеніи станцій, можно считать за кратчайшій для переѣзда отъ Оренбурга до Ташкента, въ удобное время года, т. е. въ продолженіе семи мѣсяцевъ, отъ 1-го мая до 1-го декабря. Почта дѣлаетъ это разстояніе, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не менѣе мѣсяца. Въ послѣднее время, правда, были примѣры, что посланные съ экстреннымъ порученіемъ въ Петербургъ офицеры пріѣзжали въ Оренбургъ на одиннадцатый день; но, во первыхъ, послѣ двухъ, трехъ подобныхъ курьеровъ, можетъ случиться, что проѣздъ по всему пространству на нѣкоторое время вовсе прекратится до замѣны павшихъ лошадей и исколѣченныхъ ямщиковъ свѣжимъ комплектомъ, а во–вторыхъ, исключеніе не правило, и оно не даетъ никакого понятія о дѣйствительномъ положеніи дѣла. Фельдъегерь, командированный изъ Петербурга, испытавшій всякія сообщенія по Россіи, и въ Иркутскъ и на Кавказъ, ѣхалъ отъ Оренбурга до Ташкента слишкомъ 20 сутокъ и отозвался, что «это Богъ знаетъ что за край: его даже и краемъ–то назвать невозможно!» Почтъ–содержатели невиноваты: они дѣлаютъ что могутъ и умѣютъ, и держатъ лошадей даже больше чѣмъ обязаны по контракту. Почтовое сообщеніе между Ташкентомъ и Джулекомъ, устроенное на скорую руку еще генераломъ Черняевымъ, собственно для возки корреспонденціи, находилось до конца 1867 года въ тѣхъ же условіяхъ. Три пары лошадей съ сбруей, средней цѣной по 175 рублей въ годъ за пару, вотъ все что требовалось отъ почтъ-содержателя—киргиза. Телѣги онъ долженъ былъ получать готовыя. Въ видѣ опыта, на нѣсколько мѣсяцевъ, это было понятно, но кто же могъ предполагать, что, по обстоятельствамъ, совершенно впрочемъ независѣвшимъ отъ мѣстной администраціи, дѣло такъ и останется, въ продолженіе двухъ лѣтъ, почти безъ измѣненія. Надо еще удивляться добросовѣстности киргизовъ, поддерживавшихъ хоть какое-нибудь сообщеніе, не получая во время платы и по контрактамъ, далеко пережившимъ обязательный срокъ. Мнѣ случалось слышать жалобы отъ самихъ почтъ-содержателей, что они по десяти мѣсяцевъ ждутъ уплаты

слѣдующихъ имъ денегъ, потому что высланная на этотъ предметъ сумма издержена комендантами на содержаніе гарнизона или другія текущія надобности, на которыя не было своевременно открыто кредита. Только къ началу нынѣшняго года сдѣланы въ сообщеніи области съ внутренностію Россіи нѣкоторыя улучшенія: увеличена плата почтъ-содержателямъ, возобновлены контракты еще на годъ, учреждено, кромѣ того, отправленіе почтъ и по другому тракту, чрезъ Вѣрное на Омскъ; словомъ, все что можно было ожидать на первыхъ порахъ отъ мѣстной власти, еще не совершенно знакомой съ особенностями и средствами края, и сдѣланное дѣйствительно облегчило, хотя на время, движеніе почтъ и проѣзжающихъ. Но какъ, когда и какимъ путемъ устроится сообщеніе Средней Азіи съ Россіей въ будущемъ—вотъ вопросъ, крайне настойчивый, животрепещущій, вопросъ, въ раціональномъ рѣшеніи котораго заключается закваска взаимныхъ пользъ нашихъ и, притомъ, во всѣхъ отношеніяхъ. Оставлять рѣшеніе этого вопроса далеко назади, когда военные успѣхи гигантскими шагами подаютъ насъ впередъ, значило бы забирать золотые рудники безъ всякихъ средствъ ихъ разработывать, или на тонкую удочку зацѣпить толстую щуку и не имѣть возможности ее вытащить. Въ настоящее время, съ военной и политической стороны вопроса, мы достигли именно того рубежа, у котораго уже нѣтъ выбора, и когда всякая отсрочка и нерѣшительность только усложнятъ затрудненіе. Наши войска взяли Самаркандъ и находятся на три—четыре перехода отъ Бухары. Остановиться подъ бокомъ у эмира и заключить миръ на время, пока непріятель оправится, необходимо тотчасъ же увеличить численность здѣшнихъ войскъ высылкою нѣсколькихъ баталіоновъ и казачьихъ сотней изъ внутреннихъ губерній, усилить ими гарнизоны и передовые отряды, устроить промежуточныя укрѣпленія, этапы, лазареты, подвижные магазины, и потомъ ежегодно тратиться на экспедиціи для усовершенствованія бухарцевъ въ военномъ искуствѣ, въ которомъ они уже сдѣлали замѣтные успѣхи. Точь въ точь какъ было на Кавказѣ....

— «Но вѣдь кавказцы воинственный народъ, не то что эти халатники!» воскликнутъ многіе. Напрасно! кто знаетъ тѣхъ и другихъ, тотъ, въ строгомъ смыслѣ, не можетъ съ этимъ согласиться.... Азіятецъ вездѣ азіятецъ; минуя отдѣльные эпизоды геройской отваги и смерти, которые и здѣсь случались, вообще говоря, тѣ и другіе въ бою совершенно одинаковы: держатся пока могутъ, наносятъ вредъ за прикрытіемъ и удираютъ безъ памяти въ виду неустойки, на основаніи одной и той же статьи мусульманскаго закона, впа-

даютъ въ панику отъ стройной массы нашихъ войскъ и нашего «ура» и терпѣть не могутъ чистаго поля и артилеріи. Вся разница лишь въ томъ, что кавказцевъ мы воспитывали шестьдесятъ лѣтъ, а съ бухарцами только начинаемъ, и что у кавказцевъ на каждомъ шагу природная защита, изъ-за которой они долго могли бить до смерти и потомъ улизнуть безнаказанно, тогда какъ бухарцамъ рѣшительно спрятаться негдѣ: глиняныя укрѣпленія что за защита противъ орудій! Поневолѣ улепетываютъ тотчасъ же, не ожидая непріятеля. Но дайте время....

Возвратить все, чѣмъ такъ блистательно, хотя и вынужденно и съ такими пожертвованіями воспользовались, и отступить снова къ границамъ 1866 года, съ одной стороны было бы несовмѣстно, кажется, съ достоинствомъ Россіи и видами правительства, а съ другой навѣрное поколебало бы наше нравственное вліяніе въ краѣ, потому что никто не приметъ этой уступки за великодушное выраженіе силы. Напротивъ: она подстрекнетъ ощипанное самолюбіе азіятскаго деспота, фанатизмъ духовенства, и снова вынудитъ насъ отбирать подарки у неблагодарныхъ, только съ большими усиліями.

Наконецъ идти впередъ и нѣсколькими ударами покончить вопросъ Средней Азіи, имѣя въ виду, что съ каждымъ шагомъ ярость защиты будетъ болѣе соотвѣтствовать энергіи нападенія, мы положительно не имѣемъ средствъ до прибытія новыхъ войскъ, хотя это одно, что намъ остается для выхода съ честью изъ сложившихся обстоятельствъ и, что, волею или неволею, мы должны будемъ сдѣлать не далѣе какъ въ будущемъ году.

Но тѣмъ настойчивѣе и серьезнѣе выступаютъ на сцену прямые вопросы народной жизни, административный и экономическій, вопросы о водвореніи въ краѣ раціональной системы общаго управленія, способной расположить и подготовить туземцевъ къ нравственному перевороту въ ихъ натурѣ, неподходящей къ прогресивнымъ началамъ цивилизованныхъ народовъ; о развитіи торговли и промышленности; о раскрытіи тайниковъ и разработкѣ естественныхъ богатствъ, которыхъ здѣсь непочатой уголъ, и проч. Все это только тогда можетъ быть предпринято съ полнымъ ручательствомъ за успѣхъ, когда изолированная въ настоящее время Сыръ-Дарьинская область притянется вплотную къ Россіи посредствомъ телеграфа и самаго ближайшаго и удобнѣйшаго сообщенія, и когда откроется возможность двумъ народамъ лично сговориться о своихъ цѣляхъ, нуждахъ и желаніяхъ, и опредѣлить свои будущія отношенія. Издавна существующій караванный путь по сыръ-дарьинской линіи, которымъ мы восполь-

зовались и для нашего почтоваго сообщенія, избранъ во время бо́но, по неимѣнію въ виду ничего лучшаго, и съ нашей стороны онъ былъ естественнымъ направленіемъ для постепеннаго овладѣнія краемъ безъ значительныхъ и рискованныхъ пожертвованій. Но, при настоящемъ положеніи дѣлъ, выборъ нашъ слишкомъ просторенъ, чтобы не пріискать другой связи съ внутренними губерніями, болѣе нормальный и болѣе соотвѣтствующій прямымъ интересамъ страны и государства. Сыръ-Дарьинская область, отъ форта № 1-й вплоть до Ходжента, и вправо за Коканъ, прорѣзывается судоходною рѣкой, впадающей въ Аральское море, а тамъ рукой подать море Каспійское, у котораго подъ бокомъ Кавказъ, а по Волгѣ и Уралу цѣлая Россія. Путь этотъ, какъ и нѣкоторые другіе, существующіе въ предположеніяхъ для соединенія Аральскаго и Каспійскаго морей, еще недостаточно изслѣдованъ и подготовленіе каждаго изъ нихъ потребуетъ, безъ сомнѣнія, болѣе или менѣе денегъ, искуства, времени и труда; но, во-первыхъ, всѣ эти затраты бездѣлица въ сравненіи съ неисчислимыми выгодами и славой въ результатѣ такого громаднаго предпріятія, а во-вторыхъ, если мы будемъ постоянно ограничиваться только тѣмъ, что дешево и легко, то намъ никогда не удастся поздравить себя съ чѣмъ бы то ни было хорошимъ. Въ Грузіи и на Кавказѣ вообще сравнительно было легче обходиться въ торговомъ отношеніи, безъ усовершенствованныхъ путей сообщенія, имѣя подъ бокомъ три моря, Персію и Турцію; но и тамъ, съ замиреніемъ края, тотчасъ же приступлено къ проложенію желѣзной дороги. А здѣсь вѣдь просто нѣтъ никуда выхода, шагу нельзя сдѣлать изъ нравственнаго и экономическаго застоя, пока не пробьется дверь прямо внутрь Россіи.

Между тѣмъ, само собою, необходимо теперь же приступить къ улучшенію почтоваго сообщенія и по сыръ-дарьинскому тракту. Край собственно немного отъ этого выиграетъ въ военномъ или въ коммерческомъ отношеніяхъ и ни на волосъ не приблизится къ Россіи; но, какъ единственный зимній путь вообще и для администраціи въ особенности, безъ него нельзя обойтись. Самое улучшеніе это, не предаваясь, разумѣется, счастливой мечтѣ о желѣзныхъ дорогахъ, если и возможно, то неиначе какъ по пріемѣ тракта въ вѣдѣніе почтоваго вѣдомства, которое до сихъ поръ отъ этого уклонялось, но которое одно только въ состояніи, можетъ быть, придумать фортель, неуловимый для остальныхъ смертныхъ, непосвященныхъ во всѣ тайны искуства. Шутка сказать: на 2,000 верстъ совершенно почти голое, незаселенное и едва-ли пригодное для заселенія простран-

ство, на которомъ то и дѣло встрѣчается недостатокъ въ лѣсѣ, водѣ, или травѣ, предметахъ первой нужды для существованія станцій. А когда вспомнишь, что все остальное для нихъ, до послѣдней бездѣлицы, придется пріобрѣтать изъ Оренбурга, что необузданность степныхъ лошадей и невѣжество киргизскихъ ямщиковъ нелегко подогнать подъ условія станціоннаго порядка, и что, наконецъ, при трудности административнаго надзора и строгаго контроля, стоитъ разстроить матеріяльную часть одной только станціи, чтобы она повела къ разстройству всѣ остальныя, тогда невольно является опасеніе, что на этомъ пути, по физическимъ свойствамъ мѣстности, едва-ли удастся устроить что нибудь путное, по крайней мѣрѣ такъ скоро, какъ того требуютъ обстоятельства. Одна надежда до тѣхъ поръ на телеграфъ, который служилъ бы подспорьемъ и могъ бы ослабить, въ нѣкоторой степени, отсутствіе удобнаго почтоваго сообщенія съ Россіей. Постановка столбовъ и проложеніе проволки по ровной степи, или даже черезъ Вѣрное на Омскъ, едва ли встрѣтитъ серьезное затрудненіе; но охраненіе, поддержка и администрація, вотъ въ чемъ снова вопросы, съ которыми не такъ-то легко будетъ справиться. Словомъ, степная природа еще во всеоружіи противъ ухищреній человѣка, и, въ упрекъ своему населенію, способна вести долгую войну за неприкосновенность своей дѣвственности.

Разумѣется, деньги и деньги, и еще много денегъ, да объ–руку съ умными и настойчивыми людьми, посвятившими свою дѣятельность пользамъ края, могли бы сдѣлать чудеса и пересилить и не такую природу. Къ сожалѣнію, первыхъ у насъ мало, а послѣдніе, сколько ихъ есть, норовятъ предпочесть физическій трудъ, такъ какъ, въ личныхъ интересахъ, онъ болѣе производительный, и не въ примѣръ менѣе убійственный въ здѣшнемъ климатѣ, чѣмъ умственный трудъ, который на Руси, и въ сферѣ военной по преимуществу, еще не пользуется особымъ кредитомъ.

При этомъ нельзя умолчать, что для выполненія во всемъ объемѣ тяжелой исторической задачи русскаго народа пронести европейскую цивилизацію въ глубь Средней Азіи, едва-ли будутъ достаточны усилія одного военнаго министерства, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Въ натуральной сферѣ дѣятельности, военное вѣдомство сдѣлало все, если не болѣе, что слѣдовало ожидать и можно было отъ него требовать въ предѣлахъ строгой справедливости: покорило край, водворило въ немъ спокойствіе и порядокъ, расположило народонаселеніе вѣрить въ наши благія намѣренія и наши законы, и положило прочныя основанія административному и гражданскому

устройству; словомъ—все, что прямо или косвенно, соотвѣтствовало призванію и входило въ его спеціяльность. Но выполненіе послѣдующихъ параграфовъ обширной програмы развитія моральныхъ и физическихъ силъ страны, на пользу государства, возможно неиначе какъ при дружномъ содѣйствіи однихъ и непосредственномъ участіи другихъ правительственныхъ и административныхъ органовъ, относившихся до сихъ поръ къ дѣлу платонически, и при полнѣйшемъ сочувствіи общества, которое еще слишкомъ незнакомо съ краемъ, чтобы не быть къ нему равнодушнымъ, но уже достаточно предубѣждено противъ дружескихъ съ нимъ сношеній, чтобы не ожидать отъ нихъ ничего путнаго.

Между тѣмъ, вновь пріобрѣтенный край, начиная даже съ Туркестана, дѣйствительно благодатный, какъ назвалъ его генералъ Черняевъ, и благодатный собственно не тѣмъ, чѣмъ вы думаете и чѣмъ онъ отличается до сихъ поръ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, а тѣмъ чѣмъ онъ можетъ сдѣлаться въ предпріимчивыхъ рукахъ и въ самомъ недалекомъ будущемъ по своимъ естественнымъ богатствамъ. Въ настоящее время, въ строгомъ смыслѣ, это не болѣе какъ роскошная масса сыраго матеріяла, которая только напрашивается на разработку, но которая, съ перваго же взгляда, представляетъ всѣ шансы на успѣхъ и щедрое вознагражденіе: стоитъ только съ умомъ приступить къ дѣлу. Почва самая благодарная: все что ни посѣете воздается чуть ли не сторицей; растительность вокругъ населенныхъ мѣстъ и теперь богатѣйшая, несмотря на то, что войска, по неимѣнію дровъ въ краѣ, не пощадили садовъ—отъ многихъ изъ нихъ осталось одно только воспоминаніе. Ленъ, конопля, хлопокъ, не хуже американскаго, шелкъ, фрукты всѣхъ возможныхъ видовъ и сортовъ, начиная отъ яблока, груши и сливы до превосходнаго винограда, абрикосовъ и персиковъ включительно. Все это, разумѣется, пока еще въ дикомъ видѣ, потому что попытки мѣстныхъ жителей въ производствахъ всякаго рода нельзя принять даже и за начало; но, при маленькомъ знаніи дѣла и сноровкѣ, все сулитъ широкое развитіе и, безъ преувеличенія, огромные барыши. Изъ царства животнаго все что прикажете: и для сельскаго хозяина и для городскаго жителя, и для гастронома и для охотника. Царство минераловъ представляетъ неисчерпаемый источникъ разнообразнѣйшаго богатства, способный удовлетворить самый ненасытный апетитъ: каменный уголь и желѣзо, мѣдь и свинецъ, несомнѣнныя ручательства за золото и серебро, и проч. Однимъ словомъ, здѣсь положительно есть все, или, выражаясь точнѣе, все есть, даже и то, чего еще вовсе нѣтъ, потому что все пока скрыто

въ нѣдрахъ земли, средствахъ почвы, свойствахъ климата и т. п., и ожидаетъ только рукъ, чтобы явиться на свѣтъ Божій съ полич-нымъ.

Нѣсколько смѣтливыхъ нашихъ соотечественниковъ и теперь уже занялись дѣломъ: завели шелкомотальни, скупили сады, устроили винодѣльные и винокуренные заводы, приносящіе имъ огромные ба-рыши. Покупка садовъ въ Ташкентѣ, само собою, составляетъ спе-куляцію, которая даетъ доходы, какихъ не можетъ дать никакая операція, кромѣ развѣ поставки въ казну провіянта. Садъ, купленный, напримѣръ, за 2,000 рублей, приноситъ владѣльцу, безъ всякихъ со стороны его усилій и заботъ, 850—1,000 рублей чистаго дохода за одинъ виноградъ, между тѣмъ какъ онъ самъ пользуется осталь-ными фруктами и всѣми преимуществами лѣтней жизни на дачѣ. Есть искатели золота и серебра, воодушевленные большими надеждами. Есть чиновники горнаго вѣдомства, открывшіе уже громадные залежи каменнаго угля и мѣсторожденія желѣза, мѣди и свинцу. Разработка каменнаго угля за 180 верстъ отъ Ташкента производится еще на казенныя средства и пока въ очень небольшихъ размѣрахъ. Въ нынѣшнемъ году предположено заготовить всего для аральской фро-тиліи и Ташкента до 200,000 пуд. Между тѣмъ, въ началѣ лѣта, открыты новыя залежи угля, чуть ли не лучшаго достоинства, и только за 60 верстъ отъ города. Видѣнные мною образцы послѣд-няго очень близки къ породѣ антрацита, тверды, плотны и глянцо-виты въ изломѣ. Но всѣ эти мизерныя начинанія наводятъ тоску и унынiе, потому что составляютъ каплю въ морѣ противъ того, что можетъ и должно быть, и все заставляетъ только сильнѣе чуство-вать невозможность какого бы то ни было развитія въ краѣ безъ сближенія съ внутренностію Россіи, единственной страны, къ которой тяготѣютъ всѣ здѣшнія богатства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, всматриваясь попристальнѣе въ обстоятельства, которыми сопровождается управленіе здѣшнимъ краемъ съ начала его покоренія, невольно задаешь себѣ вопросъ, въ подрывъ внутренняго убѣжденія: дѣйствительно ли настало время для гражданскаго и про-мышленнаго здѣсь развитія, несмотря на то, что судьба, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, постоянно этому препятствовала? Провѣримъ главнѣй-шіе факты. Генералъ Черняевъ прибылъ въ край въ маѣ 1864 года отряднымъ начальникомъ, съ цѣлью собственно занять нѣсколько пунктовъ непріятельскихъ владѣній, для опредѣленія нашихъ границъ, укрѣпить ихъ, оставить гарнизонъ и возвратиться въ Петербургъ. Стоимость всей экспедиціи была высчитана только въ 150 т. руб.

Цѣль достигнута: 3-го іюля занято съ бою укрѣпленіе Ауліэта; 12-го іюля, со стороны сыръ-дарьинской линіи, занятъ Туркестанъ. 18-го іюля учреждена, подъ управленіемъ генерала Черняева, новококанская линія. Казалось бы, и дѣлу конецъ — всѣ ублаготворены; стоило установить мирныя торговыя отношенія навѣки нерушимыя и жить съ обѣихъ сторонъ припѣваючи. Но l'homme propose et Dieu dispose: обстоятельства сложились иначе. Поголовное возстаніе коканцевъ, а потомъ и бухарцевъ, расчитывавшихъ на незначительность нашего отряда, вынудило генерала Черняева, отбиваясь въ продолженіе года отъ сильнѣйшаго непріятеля, послѣдовательно взять Чимкентъ, Ніаз-бекъ, Чинасъ и, въ заключеніе, Ташкентъ, которымъ норовили овладѣть бухарцы, и этимъ только заставить врага нѣсколько смириться. Затѣмъ начались соображенія и переписка съ Омскомъ, Оренбургомъ и Петербургомъ о томъ, что дѣлать съ вновь покореннымъ краемъ, которымъ нельзя было управлять безъ денегъ и людей. Образовано туркестантское губернаторство въ зависимости отъ оренбургскаго генералъ–губернатора. Въ концѣ августа 1865 года учреждены штаты новыхъ управленій; затѣялись мирные переговоры съ непріятелемъ; въ декабрѣ отправлено посольство въ Бухару и тамъ задержано. Въ январѣ 1866 года генералъ Черняевъ выступилъ съ отрядомъ къ Джюзаку, съ цѣлью напугать вѣроломнаго эмира и заставить освободить наше посольство, но возвратился безъ успѣха по неимѣнію денегъ и провіянта, а въ мартѣ мѣсяцѣ онъ выѣхалъ въ Петербургъ и уже болѣе не возвращался. Такимъ образомъ, въ одинъ годъ и восемь мѣсяцевъ, покоривъ край, положивъ въ немъ только начало военному и гражданскому управленію и пріобрѣвъ между жителями и войсками громаднѣйшую популярность, генералъ Черняевъ, отвлекаемый постоянно тревогами извнѣ, не успѣлъ и не имѣлъ средствъ сдѣлать что либо прочное для внутренняго блага страны.

Въ концѣ марта прибылъ новый губернаторъ, генералъ Романовскій, и началъ съ того, что собралъ отрядъ и выступилъ въ походъ, съ цѣлью кончить начатое генераломъ Черняевымъ дѣло, отъ котораго зависѣли репутація нашей силы и наша безопасность въ краѣ, разбилъ всю бухарскую армію наповалъ подъ Ирджаромъ, взялъ приступомъ Ходжентъ, заставилъ освободить изъ плѣна наше посольство, завязалъ дружескія сношенія съ ханствомъ коканскимъ, и въ началѣ іюня съ тріумфомъ возвратился въ Ташкентъ для занятій по устройству края въ административномъ отношеніи. Но едва успѣлъ осмотрѣться, оріентироваться и на скорую руку сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, какъ прибылъ въ Ташкентъ оренбургскій генералъ-

губернаторъ съ новымъ планомъ войны. Рѣшили воевать противъ Бухары; снова собрали отрядъ, выступили въ походъ, взяли штурмомъ Ура-Тюбе, а потомъ и Джюзакъ; въ концѣ октября отошли назадъ; въ ноябрѣ составленъ проектъ о преобразованіи въ краѣ военнаго и гражданскаго управленія, а въ началѣ декабря генералъ Романовскій поѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ и, въ свою очередь, также не возвратился. Прошли, значитъ, еще десять мѣсяцевъ, въ которые край увеличился чуть ли не вдвое, но которые, въ гражданскомъ и экономическомъ отношеніи, не подвинули его ни на волосъ впередъ.

Затѣмъ канули въ вѣчность и девять мѣсяцевъ 1867 года, употребленные на разсмотрѣніе и обсужденіе проекта объ образованіи туркестанскаго генералъ-губернаторства, составленіе штатовъ, положеній и проч., что касается этого вопроса.

Наконецъ, состоялось давно ожиданное освобожденіе Туркестанской области изъ-подъ зависимости оренбургскаго вѣдомства и ей разрѣшено зажить собственною жизнію, подъ началомъ власти, поставленной у самаго сердца стражемъ народнаго блага и государственныхъ интересовъ. Форма управленія, извѣстное имя генералъ-губернатора въ военномъ и административномъ отношеніяхъ, личный составъ главныхъ его помощниковъ, подобранный какъ нельзя счастливѣе для предстоящаго труда, и безграничное полномочіе, все ручалось за успѣхъ дѣла и все внушало самое полное довѣріе къ будущему. Въ октябрѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ генералъ-губернаторъ; закипѣла работа; образованы организаціонные комитеты и различныя комисіи подъ руководствомъ правителя канцеляріи; составлено положеніе о военно-народномъ управленіи въ отдѣлахъ края, признанное наиболѣе раціональнымъ, и повсемѣстно введено уже въ мартѣ мѣсяцѣ окончательно, безъ смутъ и противодѣйствій, потому что ничто въ немъ не пугало и не поражало непонятной новизной: все приспособлено къ быту и характеру народа, проникнуто чувствомъ правды и искреннимъ желаніемъ добра, ничто не тронуто, что было у него хорошаго, и исключено только то, что, по общему сознанію, оказалось устарѣвшимъ и вреднымъ, и все, очевидно, пришлось ему по душѣ и по сердцу. Въ началѣ апрѣля генералъ-губернаторъ, ознакомившійся уже съ нуждами края и вооруженный полнымъ арсеналомъ мѣръ, какія онъ призналъ необходимымъ представить на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ, собрался ѣхать въ Петербургъ. Уже выставлены были лошади, назначенъ день отъѣзда; наканунѣ мы съ нимъ простились... Вдругъ, на другой день, дождь какъ изъ ведра задерживаетъ его на нѣсколь-

ко часовъ, а вслѣдъ затѣмъ извѣстіе о непріязненныхъ замыслахъ эмира вынуждаетъ выѣхать совершенно въ противуположную сторону.

Положимъ, что управленіе краемъ отъ этого не пострадало; все шло своимъ чередомъ, и все, хотя на время, устроилось даже къ лучшему: отъ Бухары урѣзали, какъ уже всѣмъ извѣстно, еще малую толику лишней для нея территоріи, и въ минуту, когда я пишу эти строки, получено свѣдѣніе о заключеніи съ нею выгоднаго мира. Но все же для общаго жизненнаго вопроса снова нѣсколько мѣсяцевъ пропало, и рѣшеніе его будетъ позже, чѣмъ въ правѣ были ожидать. А развѣ это не фатумъ, прямо возстававшій до сихъ поръ противу всякаго здѣсь развитія? И кто будетъ такъ неосторожденъ, чтобы поручиться, что край уже навсегда освободился изъ-подъ злостнаго вліянія фатума?

Теперь это вліяніе менѣе внушаетъ опасеній, правда, потому что положеніе края гораздо опредѣленнѣе; все установилось на болѣе твердой почвѣ, всѣ воодушевлены чувствомъ надежды и смѣлѣе смотрятъ въ будущее; но и за всѣмъ тѣмъ никто не сомнѣвается, что, безъ усиленія войскъ, и какъ можно скорѣе, нельзя обойтись, задержавъ даже еще на годъ отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ, и что, несмотря на заключенный миръ, насъ вынудятъ порѣшить съ Средней Азіей, противъ нашего желанія. Это неизбѣжно какъ рокъ, развѣ эмиръ и всѣ муллы поголовно обратятся въ христіанскую вѣру... Но вѣдь, по нѣкоторымъ признакамъ, на это еще нельзя навѣрное расчитывать (*).

Я позволяю себѣ громко высказать это общее убѣжденіе, основанное на желаніи добра краю и на глубокомъ уваженіи къ распорядителю его судьбами, изъ участія, свойственнаго чувствительному сердцу, къ ввѣренной мнѣ комисіи, которая уже два года распутываетъ денежные счеты и дѣла Туркестанской области за прошлое время, и трепещетъ, бѣдная, отъ всего, что способно обѣщать ей долголѣтнее существованіе. Вѣдь не даромъ же есть пословица на Руси, что «ничего нѣтъ вѣчнаго подъ луною», за исключеніемъ временныхъ комисій и отдѣленій.

Въ приложимости этой пословицы можно и теперь еще убѣдиться воочію... Что же мудренаго, если подъ ту же категорію подпадетъ и ввѣренная мнѣ комисія! Здѣсь всѣ шансы для этого подъ рукою

(*) Въ сентябрѣ мѣсяцѣ получено въ Ташкентѣ извѣстіе о высылкѣ изъ Оренбургскаго края на усиленіе туркестанскихъ войскъ двухъ баталіономъ пѣхоты, двухъ казачьихъ сотней и одной артилерійской батареи. *Прим. авт.*

и совершенно зависятъ отъ положенія края и обстоятельствъ: несвоевременное снабженіе расходныхъ кассъ денежными средствами, трудность пригнать каждый случай къ новымъ финансовымъ порядкамъ, разбросанность мелкими частями войскъ, неожиданная экспедиція—и достаточно, чтобы всякій порядокъ обратить въ безпорядокъ и преподнесть комисіи новой путаницы букетъ.

Многіе знаютъ по опыту, а остальнымъ легко сообразить, что значитъ вообще путаница въ денежныхъ счетахъ какого–либо учрежденія или части войскъ, и каково должно быть тому, на кого падетъ лестная обязанность ее распутывать; но путаницу въ счетахъ бывшей Туркестанской области за 1864, 65 и 66 годы, возникшую при дѣятельномъ пособіи нѣсколькихъ провіянтскихъ и комисаріятскихъ учрежденій въ Казани, Оренбургѣ и Омскѣ, и вызвавшую необходимость со всѣми этими учрежденіями завести томительную переписку, требовать книги, дѣла и различныя свѣдѣнія на безнадежномъ разстояніи, совершить два раза путешествіе въ Ташкентъ, и, наконецъ, расчитаться особо съ каждымъ управленіемъ, съ частью войскъ, изъ которыхъ половина разбрелась по цѣлой Россіи, и со многими присутствующиии и отсутствующими лицами отдѣльно, и проч. и проч.—такую путаницу, безъ испытанія всѣхъ прелестей на себѣ, едва–ли удастся кому-либо уразумѣть. А она–то и выпала на долю ввѣренной мнѣ комисіи, и она же внушаетъ мнѣ и скромность не желать дальнѣйшаго ей развитія.

Можетъ быть, мнѣ напомнятъ, что теперь уже есть здѣсь контрольная палата, обязанная слѣдить за правильностью расходованія денегъ и отчетности. Да! но вѣдь это хорошо, пока обстоятельства подходятъ подъ правила и пока есть что расходовать, а вдругъ первыя станутъ враждебно, или на послѣднее не хватитъ матеріяла — ну и кончено—палатѣ нечего дѣлать. Вошедшій въ государственную роспись миліонъ дохода съ здѣшняго края, въ массѣ общихъ расходовъ, небольшое подспорье, въ особенности когда регулярное и своевременное поступленіе его въ кассы еще не испытано. Мнѣ могутъ возразить, что цифра эта заключаетъ только minimum дохода, который легко получить въ Сыръ-Дарьинской области и который, по всей вѣроятности, увеличится, по крайней мѣрѣ, втрое съ учрежденіемъ ссудныхъ кассъ, въ защиту жителей отъ ростовщиковъ. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но, во-первыхъ, когда состоится такое приращеніе казны еще неизвѣстно, хотя въ немъ и очередное средство возстановить правду между страной и государствомъ, необязаннымъ дальше вѣрить ей въ кредитъ; во-вторыхъ, имѣть деньги

въ кассѣ безъ права расходовать—все равно, что ихъ не имѣть. А здѣсь часто случается, что въ расходномъ отдѣленіи есть деньги, но у распорядителя нѣтъ кредита, и наоборотъ: есть кредитъ, но нѣтъ денегъ, или нѣтъ разрѣшенія казенной палаты. Словомъ, контрольная палата въ Ташкентѣ безъ казенной не достигаетъ своей цѣли, потому что будетъ постоянно находиться въ положеніи пасивномъ, тогда какъ, по характеру учрежденія, она должна быть непремѣнно самостоятельной.

Вотъ коротенькій очеркъ самыхъ живыхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ матеріяльное и нравственное преуспѣяніе здѣшняго края, и которые, по всей вѣроятности, разрѣшатся въ предположенную, въ скоромъ времени, поѣздку генералъ-губернатора въ Петербургъ (*).

Затѣмъ мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о Ташкентѣ, не о цѣломъ азіятскомъ городѣ, котораго я не имѣлъ ни времени, ни особой охоты на столько узнать, чтобы быть въ состояніи описать его въ подробности, ни о характерѣ или жизни народа, съ которыми желающій можетъ познакомиться изъ статьи «Сарты» Ю. Д. Южакова, въ одной изъ прошлогоднихъ книжекъ «Отеч. Записокъ», а собственно объ европейскомъ кварталѣ, помѣстившемся, какъ на ладони, впереди стараго города и занятаго исключительно русскимъ населеніемъ.

Впрочемъ, относительно народа не могу умолчать, что, по сравненію съ прошлымъ, въ немъ замѣтно болѣе довольства, оживленія и дѣятельности, вслѣдствіе, разумѣется, болѣе обезпеченнаго общественнаго и домашняго положенія каждаго и увеличившихся съ нашей стороны запросовъ, дающихъ однимъ хорошіе заработки и поощрившихъ въ другихъ прирожденное расположеніе къ торговымъ и промышленнымъ занятіямъ. Комерція — это жизнь здѣшняго народа; только «бичара» ничѣмъ не торгуетъ. Презрѣнный металъ пользуется такимъ же душевнымъ уваженіемъ, какъ и у образованныхъ народовъ, и онъ одинъ даетъ право на авторитетъ и вліяніе. Аристократія денегъ совершенно исключаетъ здѣсь необходимость создавать изъ чубукчей и бахчей чиновную аристократію.

Европейскій кварталъ города Ташкента только-что возникаетъ, по способу сотворенія перваго человѣка, изъ земли, и, частію по тому же способу отъ продолжительныхъ ненастій и землетрясеній превращается еще во младенчествѣ снова въ землю. Впрочемъ 25 марта было такое землетрясеніе, какого старожилы уже нѣсколько десят-

(*) Писано въ іюнѣ 1868 г.

ковъ лѣтъ не запомнятъ. Мнѣ случалось подолгу живать въ мѣстахъ, гдѣ подобныя физическія явленія очень обыкновенны, но тамъ, по крайней мѣрѣ, постройки изъ камня, изъ жженаго кирпича или изъ дерева, способныя за себя постоять и внушающія къ нимъ довѣріе; здѣсь, начиная съ фундамента до плоской крыши включительно, всѣ дома изъ глины, съ тощими ребрами, выстроенные кое-какъ, на живую нитку, и потому непредставляющіе, даже въ спокойномъ состояніи, полной гарантіи за свою устойчивость. Во время же сильнаго землетрясенія, какъ начнутъ плясать стулья и столы, трещать балки, двери и рамы и обваливаться штукатурка, карнизы и фронтоны, особенно ночью, когда вамъ невидно, что именно валится — слуга покорный! Тутъ всякое приличіе по боку; летишь стремглавъ въ ближайшее отверстіе подъ вліяніемъ невыносимо-отвратительнаго чувства, и радъ-радъ, когда почувствуешь надъ собою болѣе легкій и прочный сводъ голаго неба. Вѣдь хуже и безславнѣе смерти—быть задавленнымъ—едва ли придумаетъ самый спеціяльный господинъ по этой части.

Площадь для квартала довольно обширная, но построекъ сравнительно еще очень немного, и тѣ пока въ разсыпную: гдѣ кому приглянулось, купилъ мѣсто, выстроилъ 3—4 комнаты, провелъ арыкъ, вырылъ во дворѣ бассейнъ для воды—необходимое условіе въ здѣшнемъ климатѣ—и живетъ или отдаетъ въ наемъ, что еще выгоднѣе. За домъ, который обошелся всего-то въ постройкѣ отъ 1,000 до 2,500 рублей, наемная плата не менѣе 600 до 1,000 рублей въ годъ, а то и дороже. На площади, противъ возникающаго дома генералъ-губернатора, заложенъ фундаментъ православной церкви, первой во всемъ краѣ. Есть заѣзжій домъ съ нумерами для проѣзжающихъ, трактиръ, въ которомъ получается весьма порядочный обѣдъ, и нѣсколько лавокъ, въ которыхъ нѣтъ ничего порядочнаго, потому что привозится самый бракъ что ни наесть, а сбывается по баснословной цѣнѣ, и часто даже въ видѣ особаго одолженія, какъ, напримѣръ, сахаръ и свѣчи, въ настоящій моментъ: заплатишь за фунтъ по рублю, да еще на столько же накланяешься. Есть, наконецъ, мѣсто для загороднаго гулянья, или, правильнѣе сказать, сидѣнья, потому что на немъ негдѣ разгуляться; за то пока до него доберешься, наглотаешься столько пыли, что только сидишь, да отплевываешься. Есть еще.... впрочемъ, заврался—больше нѣтъ ничего! Въ этомъ заключается вся матеріяльная наличность европейскаго квартала, которому, по всей вѣроятности, суждено быть основаніемъ будущаго огромнаго города.

Жизнь здѣсь сохраняетъ еще лагерный или бивуачный характеръ: все гуртомъ, и потому такъ дорого, что, несмотря на усиленное содержаніе, едва сводятся концы съ концами. А чуть кто выйдетъ изъ расчета и позволитъ себѣ кой-какія прихоти — и достаточно, чтобы войти въ долги на вѣки неоплатные.

Избѣжать же уклоненій отъ умѣренности и акуратности, при полнѣйшемъ отсутствіи какихъ бы то ни было развлеченій, кромѣ службы, не каждый въ состояніи. Разумѣется, служебныя занятія въ здѣшнемъ краѣ вообще, и особенно по военно-народному управленію, которое только—что организовано и требуетъ отъ служащихъ ближайшаго знакомства съ народомъ, его бытомъ и языкомъ, представляютъ вдоволь пищи для дѣятельности; но, во-первыхъ, какъ я уже сказалъ, всѣ здѣсь настроены какъ-то на воинственный ладъ и мечтаютъ о подвигахъ и отличіяхъ, а во-вторыхъ, все служба, да служба, вынудитъ, наконецъ, для ея же пользы, отдохнуть, разсѣяться и освѣжиться. А чѣмъ, гдѣ и какъ, вотъ тутъ-то и камень преткновенія. Общественнаго ничего, а ни-ни.... ни клуба, ни собранія, ни библіотеки—все это еще въ предположеніяхъ. Общество, только что формирующееся изъ различныхъ чиновъ вновь образованнаго военнаго округа и генералъ-губернаторства, нельзя сказать, чтобы было очень маленькое, и люди, взявъ ихъ поодиночкѣ, большею частью хорошіе, но только поодиночкѣ, а вмѣстѣ хаосъ, въ которомъ всѣ еще ходятъ ощупью, не зная на чемъ остановиться и чего держаться; каждый желаетъ и домогается чего-то особеннаго, кѣмъ-то недоволенъ, чѣмъ-то обиженъ; рѣдкій смотритъ доброжелательно на ближняго, во всѣхъ какая-то недовѣрчивость и большинство отличается готовностью, при первомъ же удобномъ и даже неудобномъ случаѣ, разорвать самыя пріятныя отношенія. Странно, такъ же какъ и непонятно, но тѣмъ не менѣе это справедливо. Положимъ, собрались бы на край свѣта безцѣльно, ознакомились, взаимно насмотрѣлись, наговорились, исчерпали другъ друга почти до суха; внѣшнихъ пособій ни откуда; подновиться рѣшительно нечѣмъ: ну, пожалуй, оставалось бы одно для разнообразія—ссориться, а то вѣдь, за небольшимъ исключеніемъ, всѣ сюда прибыли для дѣла, завалены работой, всѣ обязаны стремиться къ одной цѣли съ твердымъ убѣжденіемъ, что только дружною силой можно двинуть въ ходъ машину.... И, несмотря на то, рѣдкій не поддался увлеченію личнымъ мелкимъ интересомъ и только весьма рѣдкій не поддерживаетъ существующей въ обществѣ разладицы. Словомъ, легко сказать—Ташкентъ, а каково это перенесть! Заѣзжему человѣку какъ-то особенно жить здѣсь тя-

жело: скука и тоска, отъ которыхъ и въ дѣлѣ не находишь спасенія, теряешь охоту говорить, способность мыслить, чего нибудь желать, и ждешь съ нетерпѣніемъ только одного—когда же наконецъ отсюда вырвешься.

Прибавьте къ этому еще климатъ, не то чтобы нездоровый, а крайне неудобный: осенью и зимой очень часты дожди или мокрый снѣгъ, и тогда грязь по колѣно, никуда нельзя выйти; весна очень быстро проходитъ, а лѣто начинается прямо съ жаровъ до 46° и выше, безъ всякихъ перемежковъ—дышешь огнемъ, будто подъ носомъ горячая жаровня; тутъ допекаютъ еще мухи, которыя кусаются цѣлую жизнь, какія-то свирѣпыя блохи и мошки, испещряющія все тѣло волдырями; скорпіоновъ больше, нежели достаточно, да и фаланги не въ диковину; словомъ, было бы расположеніе, а такихъ пріятствій здѣсь въ изобиліи.

Все это, само собою, со временемъ измѣнится: общество организуется, войдетъ въ нормальныя условія, городъ обстроится, улицы уложатся камнемъ, обростутъ тѣнистыми алеями, будетъ легче и привольнѣе жить, будетъ и суше и прохладнѣе; на все обращено вниманіе и приняты энергическія мѣры. Но чтобы образовать здѣсь вполнѣ благодатный уголокъ, развернуть стройную и широкую жизнь, возбудить кипучую общественную дѣятельность и вызвать всѣ дремлющія силы на работу для пользы края и Россіи, нужны опять-таки ближайшій и удобный путь во внутреннія губерніи и телеграфъ, которые одни только въ состояніи объяснить и оправдать цѣль нашихъ пожертвованій на пріобрѣтеніе такой громадной территоріи, и до осуществленія которыхъ всякая рѣчь о томъ, что у насъ, дескать, то хорошо, да другое прекрасно, да третье ожидается еще лучше, будетъ всегда возмутительно дѣйствовать на душу и сердце чисторусскаго человѣка. Немудрено средней Азіи щеголять нашимъ умомъ, нашимъ трудомъ, и пока еще, пожалуй, на наши кровныя денежки, да намъ-то какая отъ того польза?

Подобные хвалебные гимны извнутри, при всемъ ихъ добромъ намѣреніи, также вредятъ краю, какъ и раздающіяся безъ всякаго основанія и иногда съ злымъ умысломъ, внѣ его, порицанія и осужденія, потому что тѣ и другія одинаково заслоняютъ дѣйствительность и не даютъ выработаться правдивому взгляду на дѣло, чтобы установить наши взаимныя отношенія. Сколько разъ приводилось мнѣ слышать самые нелѣпые толки, напримѣръ, о стоимости Туркестанской области для государства. Одинъ господинъ, въ порывѣ патріо-

тическаго негодованія, удостоилъ меня видѣть даже мѣсто, отведенное для Туркестанской области на заднемъ фасѣ толстѣйшей его шеи.

— Вотъ гдѣ сидитъ у насъ ваша область, восклицалъ онъ, усердно пришлепывая по мясистому пространству.

— Да скажите же, наконецъ, во сколько вы опредѣляете ежегодные расходы государства на Туркестанскую область, которой вы отвели такое роскошное помѣщеніе, но которая, по вашему мнѣнію, разоряетъ казну? спросилъ я этого господина.

— То-то и есть—сколько! Прежде бы справились, а потомъ спорили: самое меньшее пять или шесть миліоновъ, вотъ сколько!

— Слѣдовательно, вы навѣрное не знаете. Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ, въ качествѣ предсѣдателя комисіи, назначенной по высочайшему повелѣнію, именно для приведенія въ извѣстность денежныхъ оборотовъ по Туркестанскому краю за прошлые три года, сообщить вамъ вѣрнѣйшее свѣдѣніе, что всѣ расходы нашей казны, съ первой экспедиціи генерала Черняева въ 1864 году и до 1867 года, считая, въ томъ числѣ, покореніе страны почти съ миліоннымъ населеніемъ, содержаніе войскъ и управленій, постройку укрѣпленій и проч., немногимъ превышаютъ только три миліона вообще....

— Три миліона на все? ха, ха, ха! да это, батюшка, вы такую отмочили штуку, что хоть сейчасъ въ трезвонъ, да и валяй что есть мочи на удивленіе Европы! Все, какъ говорилъ капитанъ, *антре*, *манже*, *буаръ* и *сортиръ*—три миліона! ха, ха, ха!...

— Напрасно смѣетесь! Я опрокидываю ваши заблужденія цифрами, противъ которыхъ нельзя спорить: исключивъ изъ трехъ миліоновъ содержаніе войскъ, которое не составляетъ особаго расхода, потому что ихъ пришлось бы содержать гдѣ бы ни была наша пограничная линія, окажется, что собственно покореніе и укрѣпленіе края обошлось казнѣ до 1867 года только съ небольшимъ 750,000 рублей, т. е. по 75 коп. за живую душу, а земля и все остальное, чему нѣтъ цѣны, пришлось даромъ (*).

— Браво! Всѣ эти экспедиціи, надѣлавшія столько шуму и подарившія намъ край, въ которомъ можетъ лечь и потянуться вся Франція, обошлись только въ 750,000 рублей!... Браво!... Послѣ этого, чего добраго, вы станете увѣрять, что край приноситъ уже намъ барыши.... вѣдь это такъ, знаете, на насъ походитъ?

(*) Экспедиція 1868 года, результатомъ которой было занятіе Самарканда и Зарявшанскаго раіона, стоила до 150,000 руб.; но расходъ этотъ покроется изъ 500,000 руб. контрибуціи, которую обязался уплатить бухарскій эмиръ, по силѣ заключеннаго съ нимъ мирнаго трактата, и часть которой уже поступила въ казну на покрытіе произведенныхъ издержекъ. *Замѣч. авт.*

— Увѣрять не зачѣмъ, а напомню вамъ только то, что вы уже знаете: 750,000 за Туркестанскою областью долгу; 1,000,000, minimum, она приноситъ доходу; 400,000 съ небольшимъ стоитъ ежегодно администрація; 200,000 положите на разные расходы по устройству края, непредвидѣнные смѣтой, а остальное вы можете уже расчитать сами.

— Повторяю: браво! Да почему же, въ такомъ случаѣ, держите это въ секретѣ? даете разыграться клеветѣ, а не бьете ее такимъ смертельнымъ оружіемъ, какъ цифры? Вотъ, дескать, вы толкуете, что завоеваніе края стоило въ три года пятнадцать миліоновъ и даже болѣе, анъ-нѣтъ! всего только 750,000! Вѣдь разница-то какая ошеломляющая! Одна бѣда: нѣтъ доказательствъ нѣсколько поосязательнѣе.

— Какъ же вы обошлись безъ осязанія, принявъ съ вѣтру такую взбалмочную цифру, какъ пятнадцать миліоновъ, и сознаете въ немъ необходимость только теперь, при встрѣчѣ съ фактами, болѣе разумными и прямо подходящими къ дѣлу?

— Э, батюшка, вотъ тутъ-то и нужно осязаніе, да еще самое тончайшее! Прошу извинить, мы профаны, намъ нужно осязать, иначе не повѣримъ, нѣтъ—не повѣримъ, пока не осязаемъ....

— Не вѣрьте, пожалуй: фактъ отъ того не измѣнится. Но вы напрасно будете отбывать на вашей шеѣ постоянную повинность для Туркестанской области, которая въ этомъ вовсе не нуждается,—отвѣчалъ я на прощанье моему завзятому собесѣднику.

Съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе года; но убѣжденіе, усвоенное нашимъ обществомъ въ разорительности расходовъ на Туркестанскій край для государственной казны не только не измѣнилось, напротивъ, превратные толки и сужденія по этому предмету, какъ бы наперекоръ большей очевидности, распускаются еще ожесточеннѣе. А потому, пользуяся позднимъ обнародованіемъ этой статьи, я полагаю небезполезнымъ дополнить ее короткимъ очеркомъ обстоятельствъ и числовыхъ данныхъ, относящихся собственно къ затронутому вопросу....

Всѣ расходы вызванные нашими наступательными движеніями въ Среднюю Азію, могутъ быть подраздѣлены на три рубрики:

1) Расходы на содержаніе войскъ, занимающихъ Оренбургскій, Западно-Сибирскій и Туркестанскій военные округи.

2) Расходы собственно на военныя дѣйствія, сопровождавшія

движеніе наше въ глубь Средней Азіи, и постепенное пріобрѣтеніе новыхъ въ ней владѣній.

3) Расходы на администрацію вновь образованнаго изъ этихъ пріобрѣтеній раіона Туркестанскаго генералъ-губернаторства.

Въ то время, когда положеніе нашихъ пограничныхъ съ Среднею Азіею линій, оренбургской и западно-сибирской, требовало дѣятельнаго охраненія ихъ отъ вторженія кочевниковъ-киргизовъ, часто безпокоившихъ наши порубежныя поселенія грабежемъ и набѣгами, въ Оренбургскомъ краѣ и въ Западной Сибири содержалось собственно пѣхоты 27—31 баталіонъ (*). Теперь, когда границы этихъ двухъ мѣстностей совершенно ограждены отъ подобныхъ безпокойствъ, потому что киргизы-кочевники окончательно и безусловно подчинены нашему правительству, и когда мы продвинулись въ глубь Азіи слишкомъ на 2,000 верстъ отъ прежней пограничной линіи, занявъ тамъ обширную территорію съ двухъ-миліоннымъ населеніемъ, въ двухъ военныхъ округахъ, на границѣ Средней Азіи и въ Туркестанскомъ военномъ округѣ (въ составъ котораго вошли Семирѣченскій край и бывшая Туркестанская область), содержится также пѣхоты только 27 баталіоновъ (**). Чис локазачьихъ и артилерійскихъ частей въ трехъ округахъ осталось то же, что было прежде въ двухъ отдѣльныхъ, оренбургскомъ и западно-сибирскомъ, корпусахъ. Слѣдовательно, съ постепеннымъ углубленіемъ въ Среднюю Азію и расширеніемъ тамъ нашихъ владѣній, числительность войскъ не только не увеличилась, но даже уменьшилась. Мнѣніе о чрезмѣрной, будто бы, дороговизнѣ провіянтскаго довольствія войскъ, расположенныхъ въ Сыръ-Дарьинской области Туркестанскаго военнаго округа, одинаково невѣрно. Когда мы занимали въ степи только бывшую сыръ-дарьинскую линію, провіянтъ для войскъ расположенныхъ въ ея укрѣпленіяхъ, доставлявшійся изъ Оренбурга способомъ, о которомъ упомянуто выше, дѣйствительно обходился казнѣ по очень дорогой цѣнѣ. Въ настоящее же время, провіянтъ и фуражъ для всѣхъ войскъ Туркестанскаго военнаго округа, безъ исключенія, заготовляется на

(*) Свѣдѣніе это взято въ архивѣ военно-топографическаго депо главнаго штаба, изъ квартирныхъ росписаній войскъ отдѣльныхъ оренбургскаго и западно-сибирскаго корпусовъ за 1836, 1837 и 1838 годы. Въ обоихъ корпусахъ было 31 баталіонъ; изъ нихъ четыре баталіона №№ 12, 13, 14 и 15, составлявшіе 4-ю бригаду 23-й пѣхотной дивизіи, въ 1830 году были выкомандированы изъ Западной въ Восточную Сибирь. *Замѣч. авт.*

(**) Въ Оренбургскомъ округѣ: 1 стрѣлковый, 2 губернскіе: въ Оренбургѣ и Уфѣ и 1 пѣшій казачій; въ Западно-Сибирскомъ: 4 линейныхъ баталіона и 2 губернскихъ, и въ Туркестанскомъ: 12 линейныхъ, 2 стрѣлковыхъ и 3 пѣшихъ казачьихъ, всего 17 баталіоновъ. *Замѣч. авт.*

мѣстѣ и, само собою, гораздо дешевле, чуть ли не втрое противу прежняго, несмотря на повсемѣстное возвышеніе въ краѣ цѣнъ на хлѣбъ, сравнительно съ стоимостію его до нашего туда прихода, и возвышеніе цѣнъ вообще на всѣ предметы потребленія, вслѣдствіе упадка денежнаго курса. Экономіей отъ заготовленія собственно провіянта съ избыткомъ покрываются дѣйствительныя передержки, вызванныя измѣнившимися обстоятельствами, и въ томъ числѣ на доставку вещеваго довольствія войскъ, стоимость которой, при увеличеніи разстоянія, не могла оставаться въ томъ же размѣрѣ.

Обратимся къ расходамъ на экспедиціи. Къ этой категоріи относятся расходы: на передвиженіе войскъ, перевозку тяжестей, добавочное содержаніе офицерамъ (раціоны) и экстраординарные расходы.

До занятія нами нынѣшнихъ нашихъ владѣній въ Средней Азіи, безпрестанныя и вредно отзывавшіяся на пограничныхъ линіяхъ безпокойства и грабежи вызывали неоднократныя, съ нашей стороны, движенія въ глубь степи, какъ хивинскій походъ графа Перовскаго въ 1839 — 1840 годахъ и экспедиціи къ Акъ-Мечети въ 1853 — 1854 годахъ, которыя, по самому характеру подобныхъ предпріятій, требовали значительныхъ денежныхъ расходовъ. Точно также дорого обходились почти ежегодныя высылки въ степь отрядовъ какъ съ оренбургской, такъ и западно-сибирской линій, для преслѣдованія и поимки разбойниковъ, грабившихъ подвластныхъ намъ кочевыхъ киргизовъ. Такой порядокъ вещей и побудилъ наше правительство выдвинуться въ глубь степи рядомъ укрѣпленныхъ пунктовъ и постепенно занять: со стороны Сибири, нынѣшній Семирѣченскій край, со стороны Оренбурга низовья рѣки Сыръ-Дарьи до укрѣпленія Джулека. Не имѣя подъ рукою отчетовъ прежняго времени, трудно опредѣлить точную цифру денежныхъ затратъ на высылку отрядовъ и постепенное углубленіе въ степь; но безошибочно можно сказать, что всѣ эти походы обходились казнѣ, въ общей сложности, приблизительно до 100,000 руб. ежегодно. А между тѣмъ, единственная цѣль нашего правительства—умиротворить край и возстановить въ немъ прочный порядокъ—не достигалась, такъ какъ въ остававшееся незанятымъ нами свободное пространство между выдвинутыми впередъ линіями, сибирскою и оренбургскою, безнаказанно проходили шайки разбойниковъ изъ Коканскаго ханства, и по прежнему тревожили подвластныхъ намъ кочевниковъ-киргизовъ. Тогда правительство рѣшило замкнуть этотъ промежутокъ, соединивъ сибирскую и оренбургскую границы, и образовать одну общую оборонительную линію. Предпріятіе это начато было въ 1864 году одновременными

военными дѣйствіями со стороны Оренбургскаго края и Западной Сибири, и оно-то собственно и повело къ постепенному занятію земель Коканскаго и Бухарскаго ханствъ и къ образованію изъ нихъ Туркестанской области, которая, съ 1867 года, вмѣстѣ съ Семирѣченскимъ краемъ, отдѣленнымъ отъ Западной Сибири, вошла въ составъ нынѣшняго Туркестанскаго генералъ-губернаторства и военнаго округа. Расходы на экспедиціи, доставившія намъ въ три—четыре года блистательный результатъ, котораго мы напрасно добивались огромными пожертвованіями въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, по окончательному выводу вышеупомянутой комисіи, представляютъ общую валовую цифру въ 773,724 руб., а именно: въ 1864 году 348,542 р.; въ 1865 году 207,716 руб. и въ 1866 году 217,465 руб. Присоединивъ, примѣрно, 150,000, на военныя издержки въ послѣднюю кампанію, получимъ общій итогъ расходовъ на экспедиціи въ Средней Азіи, съ 1864 по 1868 годъ включительно, въ 924,000 рублей. Часть этого расхода пополняется 500,000 р. контрибуціи, которую эмиръ бухарскій обязанъ уплатить по силѣ заключеннаго съ нимъ мирнаго трактата, завершившаго военныя дѣйствія 1868 года въ предѣлахъ Бухарскаго ханства. Затѣмъ останется 424,000 руб., которые одни только можно было бы считать долгомъ за Туркестанскою областію; но, во-первыхъ, мы заняли теперь въ Средней Азіи положеніе, представляющее, помимо политическихъ и торговыхъ интересовъ, еще и ту выгоду, что обширная территорія киргизскихъ степей, оставшаяся позади вновь образованнаго Туркестанскаго военнаго округа, совершенно гарантирована отъ внѣшнихъ посягательствъ, и кочующіе по ней многочисленые киргизскіе роды могутъ, съ полнымъ спокойствомъ за ихъ личную и имущественную безопасность, предаваться исключительно мирнымъ занятіямъ и развитію ихъ благосостоянія; во-вторыхъ, и этотъ долгъ легко и съ избыткомъ погашается изъ указанной уже экономіи: отъ уменьшенія числа войскъ въ трехъ военныхъ округахъ: Туркестанскомъ, Оренбургскомъ и Западно-Сибирскомъ, и удешевленія главнаго расхода на ихъ довольствіе—провіянта.

Въ заключеніе остается просмотрѣть расходы на содержаніе управленій Туркестанскаго военнаго округа и на администрацію края.

Высочайше утвержденнымъ положеніемъ объ учрежденіи Туркестанскаго военнаго округа, стоимость Оренбургскаго и Западно-Сибирскаго округовъ сокращена именно на столько, во сколько исчислена стоимость Туркестанскаго, образованіе котораго, слѣдовательно, не потребовало новаго асигнованія денегъ.

На содержаніе администраціи по военно-народному управленію краемъ, по смѣтѣ на 1868 годъ, опредѣлено 634,000 руб. (*). Доходы же съ него, по смѣтѣ на текущій же годъ, составляютъ одинъ миліонъ рублей. Этотъ миліонъ дохода исчисленъ на основаніи данныхъ далеко еще неточныхъ; но, судя по поступленію сборовъ въ текущемъ году, можно съ увѣренностію сказать, что доходъ по Туркестанскому краю даже за этотъ годъ превыситъ одинъ миліонъ.

Содержаніе управленія вновь образованнаго въ нынѣшнемъ году Зарявшанскаго округа (изъ земель временно-занятыхъ нами въ послѣднюю кампанію) покрывается доходомъ, получаемымъ съ того же округа. Затѣмъ, если, по мѣрѣ благоустройства Туркестанскаго края, расходъ на содержаніе администраціи и прочія на него затраты должны будутъ увеличиваться, то несомнѣнно также, что, рядомъ съ нимъ и въ правильной пропорціи, будутъ увеличиваться и доходы казны, какъ неизбѣжное послѣдствіе улучшеннаго положенія вещей.

На основаніи всѣхъ этихъ числовыхъ данныхъ, которыя, во всякое время, могутъ быть провѣрены, кажется легко придти къ убѣжденію, что занятіе нами громадной территоріи въ Средней Азіи и образованіе Туркестанскаго генералъ-губернаторства и военнаго округа не только не вызываютъ новыхъ денежныхъ пожертвованій со стороны государственной казны, напротивъ, давая уже ей нѣкоторую прибыль, на покрытіе прежнихъ затратъ, представляютъ, въ то же время, полнѣйшее ручательство, что великодушное вниманіе правительства и дружное сочувствіе Россіи къ нуждамъ и интересамъ края найдутъ въ немъ одну изъ самыхъ благодарныхъ и самыхъ производительныхъ окраинъ нашего обширнаго отечества.

Е. Быковъ.

Ташкентъ.
1-го іюня 1868 года.
С.-Петербургъ.
1-го декабря 1868 года.

(*) Въ томъ числѣ 200,000 руб. на разные расходы, которые, по новости дѣла и исключительному положенію края, не могли быть предвидѣны и выяснены въ смѣтѣ. *Замѣч. авт.*